

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. ГЕОРГИЕВ

ВОПРОСЫ РОДСТВА СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ЯЗЫКОВ

I. ВВЕДЕНИЕ

За последние несколько десятков лет накопилось огромное количество новых материалов о древних языках Средиземноморья и Передней Азии¹. Оно продолжает расти все больше и больше. Вопросы лингвистического исследования этих языков тесно переплетаются с проблемами археологии, этнографии и истории. Материалы и многочисленные статьи, посвященные указанным проблемам, опубликованы в самых различных журналах и отдельных книгах, нередко трудно доступных и мало известных вне круга определенной узкой специальности.

Поэтому исследователю, работающему в какой-либо одной отрасли науки, не всегда удается составить себе достаточно ясное представление о добытых результатах в соседних областях. Отсюда и возникает необходимость широкой взаимной информации разными специалистами — каждым в пределах своей области — о возникших сложных проблемах и о ряде новейших достижений. Организованная редакцией журнала «Вопросы языкознания» дискуссия, несомненно, поможет выяснению многих вопросов и даст толчок для их дальнейшей разработки.

*

В наши дни в области Средиземноморья компактные массы местного населения говорят на различных языках, принадлежащих к нескольким языковым семьям: баскской, индоевропейской, тюркской, семитической, берберской. К ним следует причислить также и кавказские языки, на которых говорят в близко расположенной области. Несмотря на этнические изменения, происходившие в разное время, нет никаких серьезных оснований предполагать, что несколько тысячелетий тому назад разнообразие языков в этой области было меньшим, чем теперь.

Однако некоторые ученые утверждают, что на всей огромной территории от Атлантического океана до Персидского залива пять-шесть тысячелетий тому назад были в употреблении языки, принадлежащие к одной единственной языковой семье, в которую включается и современный грузинский язык. К этим языкам причисляют баскский, этрусский, пелазг-

¹ Насколько далеко продвинулось исследование этих языков, мы можем судить по новому изданию книги «Языки мира» [под ред.] А. Мейе и М. Коэна («Les langues du monde», sous la direction de A. Meillet et M. Cohen, Paris, 1952). В этом издании освещение вопроса об указанных языках совершенно иное, чем в первом издании книги (Paris, 1924).

ский (догреческий), ликийский, лидийский, карийский, хеттский, шумерский, эламский и др. Такова была концепция Н. Я. Марра на раннем («яфетическом») этапе развития его теории. Ее разделяют в наши дни Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа в их «Истории Грузии» (ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 16 и сл.), А. С. Чикобава в «Введении в языковедение» (ч. I, 2-е изд., М., 1953, стр. 224 и сл.). Эта теория имеет приверженцев и в других странах, главным образом среди кавказоведов и баскологов, а также и среди некоторых итальянских романистов.

Указанная концепция возникла в связи с вопросом о языковой принадлежности древних эгейско-малоазийских племен и народов: фригийцев, мизийцев, лидийцев, ликийцев, карийцев и т. д. В середине XIX в. ученые еще не имели ясного представления об этих языках: они считали одну часть из них семитическими, а другую — индоевропейскими, т. е. причисляли всех их к той или другой из двух наиболее известных больших языковых семей. Постепенно, во второй половине XIX в., было установлено, что значительная часть греческих географических названий, которую невозможно было объяснить на основании греческого языка, имеет соответствия в Малой Азии. Кроме того, для большого количества греческих слов также не находилось удовлетворительной этимологии в плане связей греческого языка с другими индоевропейскими языками. С другой стороны, различные свидетельства античных авторов указывали на то, что греки не были автохтонным населением Эгейской области. На основании этих соображений, а также в силу априорного убеждения, что греки были первыми индоевропейцами в Эгейской области, к концу XIX в. оформилась следующая теория: языки древнего догреческого и малоазийского населения (ликийцев, лидийцев, карийцев и пр.) не были ни индоевропейского, ни семитического происхождения, а составляли языковую семью «своего рода». К ней был причислен и этрусский язык, так как античная традиция свидетельствовала о том, что этруски ведут свое происхождение из западной части Малой Азии. Так родилась теория о существовании особой эгейско-малоазийской, или «азианической» (термин французских лингвистов), группы языков древнего автохтонного населения Греции и Малой Азии. Один лишь фригийский язык был выделен издавна из этой группы и признан индоевропейским языком, так как фригийские надписи содержат довольно много слов, очень сходных с греческими.

В близком соседстве с малоазийским населением, которое стали считать несемитическим и неиндоевропейским, находились, как известно, кавказские племена и народы. Поэтому еще во второй половине XIX в. некоторые исследователи, как, например, К. Паули, Ф. Гоммель, С. Рейнак и др., выдвинули гипотезу, что эгейско-малоазийские языки являются родственными кавказским. К этим языкам некоторые ученые стали причислять и баскский, а также неиндоевропейские и несемитические языки Передней Азии. Однако эти утверждения были чаще априорными, а не обоснованными серьезной научной аргументацией².

Особенно благоприятствовало распространению подобных взглядов следующее обстоятельство. Большая часть немецких языковедов и археологов, исходя из шовинистических и расистских соображений, пыталась доказать, что Северная Германия и некоторые соседние с ней области будто бы были прародиной всех индоевропейских племен. Они считали индоевропейцами носителей так называемой «шнуровой керамики» и в связи с ее распространением устанавливали, что расселение индоевропейцев якобы началось из Северной Германии лишь в самом конце III ты-

² Подробно об этом см.: V. G e o r g i e v, Vorgriechische Sprachwissenschaft, Sofia, 1941, стр. 13 и сл.

сячелетия до н. э. Они априорно утверждали, что древнее земледельческо-скотоводческое население Дунайского бассейна было неиндоевропейским по языку. С другой стороны, немецкие расисты считали, что соответственный тип языка возникает именно на основании биологических качеств данной расы. Таким образом, они связывали возникновение отдельных групп языков с определенными расами и приписывали создание индоевропейских языков с их особым строем так называемой «нордической расе» (высокорослой, голубоглазой, светловолосой и длинноголовой), а создание древних языков Средиземноморья — особой «средиземноморской расе». Так как некогда немецкое сравнительное языковедение было авторитетным, эти концепции некритически воспринимались многими языковедами, археологами, этнографами и историками других стран³. Подобные взгляды нельзя назвать научными: родство языков не имеет ничего общего с биологическим родством, с делением человечества на расы, которые к тому же были смешанными уже в древнейшие времена.

*

Родство языков можно установить лишь на основе сравнительно-исторического метода. Чтобы доказать, например, родство между баскским, этрусским и кавказскими языками, существует один единственный методически правильный путь.

Нужно прежде всего найти достаточное количество точных соответствий в звуковом составе слов и морфем, которые, кроме того, были бы сходными между собой и по своему значению. Отдельные слова или морфемы приблизительно одинакового значения в двух различных языках могут случайно совпасть по своему звуковому составу, не будучи родственными между собой; однако если совпадают целые категории слов или морфем, случайность исключена и родство сравниваемых языков несомненно. Поэтому-то и оказывается чрезвычайно важным установить целые категории сходных слов и морфем (например, названий частей тела, родственных отношений, местоимений, числительных и т. п.), как и некоторых самых обыкновенных слов основного словарного фонда, относящихся к глубокой древности (например: *вода, солнце, день, ночь, жить, умирать, есть, пить, спать, сидеть, стоять* и пр.).

На основе явных соответствий устанавливаются затем звуковые законы родства рассматриваемых языков. Базируясь на установленных таким образом звуковых соответствиях, нужно сопоставить также и другие слова и морфемы с незаметными на первый взгляд признаками родства, фонетическое различие которых может быть объяснено при помощи звуковых законов, а возможное несоответствие по значению также может найти оправдание.

Родство языков может быть более близким, например, подобным родству между отдельными семитическими языками, или более далеким, как между семитическими и хамитическими языками. В первом случае мы находим гораздо большее число явно сродных слов и морфем, во втором — их значительно меньше. Однако как в том, так и в другом случае доказательство родства должно отвечать вышесказанным условиям. И при более далеком родстве ясно выделяются родственные слова⁴; ср., например:

³ Необходимо отметить, что и среди немецких языковедов второй половины XIX и начала XX в. были решительные противники тезиса о «нордической прародине» индоевропейцев и среди них такие крупные ученые, как О. Шредер и Э. Файст. — *Ред.*

⁴ О родстве семитическо-хамитических языков см. M. Cohen, *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*, Paris, 1947.

Семитический язык	Египетский язык	Значение
<i>ʕyn</i>	<i>ʕn</i>	«глаз»
<i>ʕadn</i>	<i>ʕdn</i>	«ух»
<i>ʕnf (afənčā)</i>	<i>fnǧ</i>	«нос»
<i>lʕn</i>	<i>ns</i>	«язык»
<i>lbb</i>	<i>yḅ</i>	«сердце»
<i>ʕd</i>	<i>d</i>	«рука»

Итак, тот, кто утверждает, что существует родство, например, между баскским, этрусским и кавказскими языками, должен привести убедительные доказательства этого родства, которые хотя бы отчасти могли удовлетворить приведенным выше требованиям. Ниже мы подвергнем переоценке прежние опыты в этой области.

II. БАСКСКИЙ ЯЗЫК

Те ученые, которые считают, что существует родство между баскским и кавказскими языками, часто приводят в доказательство близость названий *иберийцы*, *Иберия* на Пиренейском полуострове и на Кавказе. Имена *Ἰβήρες*, *Ἰβήροι*, *Ἰβήρηα*, лат. *Hiberi*, *Hiberes*, реже *Iberi*, *Iberes*, *Hiberia*, *Iberia* засвидетельствованы античными авторами с конца VI в. до н. э. на Пиренейском полуострове (Гекатей, Эсхил, Геродот и др.) и начиная с IV в. до н. э. на Кавказе.

Сходство обеих групп географических и этнонимических названий нельзя считать убедительным доказательством родства соответственных языков, потому что это может быть простая омонимия. Можно привести многочисленные примеры такого случайного сходства⁵. Скептически относятся к возможным выводам из этой омонимии [такие баскологи, как Ж. Лакомб и Р. Лафон (G. Lacombe и R. Lafon⁶), хотя последний и является сторонником гипотезы о баскско-кавказском родстве. В данном случае мы имеем такое же совпадение, как при названиях *албанцы* и *Албания* на Кавказе (старинное название современного советского Азербайджана) и в западной части Балканского полуострова. На основании этой омонимии Н. Я. Марр и Н. С. Державин⁷ делали попытку доказать, что албанский язык — «яфетический», т. е. родственный кавказским языкам. Эта попытка, однако, абсолютно несостоятельна. Албанский язык, несомненно, принадлежит к индоевропейским языкам.

На таких омонимиях нельзя строить теории родства племен и языков. Подобные сравнения можно использовать лишь в качестве побочного, второстепенного аргумента при наличии иных доказательств — и то прежде всего при наличии доказанного родства соответственных языков. До сих пор делалось немало попыток доказать родство баскского с кавказскими языками, но их нельзя считать убедительными. Сам Н. Я. Марр —

⁵ Например: *Andu* — село на Кавказе и горы в Южной Америке; *Athēnai* (Ἀθήναι) — город в Греции и *Ateua* — племя в Северной Америке; *Ἰδῆ*, дор. *Ἰδῆα* — гора в Трояде и на острове Крит и *Ida* — город в Японии; *Κάραι* — племя в Малой Азии и *kare* — племя в Центральной Африке; *Κυβα* — город на Кавказе и остров Средней Америки; *Laos* — город и река в Южной Италии и область в Индо-Китае; *λακί* — племя в Дагестане и *lakia* — племя на острове Хайнан; *летты* — «латыши» и индонезийское племя; *Μυσοί* — древнее племя на Балканском полуострове и *musa* — племя в Новой Гвинее; *Νάξιοι* — обитатели острова Наксос в Эгейском море и *насиой* — папуасское племя; *Παρία* (обычно *Πάρος*) — остров в Эгейском море и *Paria* — полуостров в Южной Америке; *Πο* — река в Италии и город в Китае и т. д.

⁶ См. «Hirt-Festschrift», II, Heidelberg, 1936, стр. 121 и сл.

⁷ См.: Н. Я. Марр, «Яфетический сборник», I, Пб., 1922, стр. 57 и сл.; Н. Державин, сб. «Язык и литература», т. I, выпуски 1—2, Л., 1926, стр. 171 и сл.

страстный приверженец этой концепции — признает, что первые попытки этого рода, например, Г. Вилклера, А.Тромбетти, К. Уленбека и пр., не привели к удовлетворительным результатам. Но, по мнению Н. Я. Марра, причиной этого было недостаточное знание кавказских языков⁸.

Н. Я. Марром написано три специальные работы, имеющие целью доказать родство баскского с кавказскими языками⁹. Кроме того, в других своих работах он рассматривает отдельные баскские слова и морфемы в плане их предполагаемого родства с кавказскими¹⁰. В некоторых из этих работ сравнения основываются на так называемом «четырёхэлементном анализе». Они не заслуживают внимания. Но, и в ранних работах Н. Я. Марра, как и в работах позднейшего времени, его сближения ничем не лучше неудовлетворительных попыток других авторов.

Вот некоторые примеры:

баск. *ituri* «источник, родник»: груз. *ikaro* «источник, родник»;
 баск. *bero* «теплый»: груз. *ᄁbil* «теплый»;
 баск. *hogeý* «двадцать»: груз. *oᄁ* «двадцать»;
 баск. *sagar* «яблоко»: груз. *sqal* «груша»;
 баск. *ibili* «ходить»: груз. *bilik* «тезья».

Случайные сравнения, сделанные на основе некоторого звукового сходства, несмотря на различия в значениях, не могут доказать родства баскского с кавказскими языками. Кроме того, Н. Я. Марр часто допускал методологическую ошибку, сопоставляя для доказательства баскско-кавказского родства баскские слова с армянскими, даже и в тех случаях, когда армянские слова имеют явно индоевропейское происхождение. Например, баскское слово *harits* «дуб» сравнивается с армянским *kaᄁin* «жолудь» (*kaᄁni* «дуб»), несмотря на то, что армянское слово, несомненно, индоевропейского происхождения: оно сродно с греч. *βάλανος*, лат. *glans*, ст.-слав. *жажда* и пр. Эта попытка доказать родство баскского с кавказскими языками несостоятельна. Ниже мы излагаем опыт К. Боуда, причем все критические замечания по поводу этого опыта в еще большей мере можно отнести к концепциям Н. Я. Марра.

*

К. Боуда сделал недавно новую попытку доказать родство баскского с кавказскими языками. В своих статьях «Баскско-кавказский», «Баскский и кавказские языки» и в книге «Баскско-кавказские этимологии» он постарался собрать и систематизировать все попытки доказательства родства этих языков, пытается установить также их звуковые соответствия¹¹. Критический разбор этой попытки дает нам возможность составить себе мнение о нынешнем состоянии данной проблемы¹².

⁸ См.: Н. Я. Марр, Избр. работы, т. I, Л., Изд-во ГИИМК, 1933, стр. 108 (прим.) и стр. 164; е го ж е, сб. «Язык и литература», т. I, стр. 211.

⁹ См.: «Известия Росс. Акад. наук», т. XIV, Пг., 1920, стр. 131 и сл.; сб. «Язык и литература», т. I, выпуски 1—2, стр. 193 и сл.; «Избр. работы», т. IV, стр. 3 и сл.

¹⁰ См.: «Известия Росс. Акад. наук», т. XV, Пг., 1921, стр. 725 и сл.; «Яфетический сборник», I, стр. 1 и сл.; «Доклады Росс. Акад. наук», Л., 1924, октябрь — декабрь, стр. 159 и сл.; «Доклады Росс. Акад. наук», Л., 1925, январь — март, стр. 5 и сл.; там же, стр. 15 и сл.; «Яфетический сборник», III, М.—Л., 1925, стр. 1 и сл.; «Язык и литература», т. I, выпуски 1—2, стр. 261 и сл.; см. библиографию: сб. «Язык и литература», т. I, выпуски 1—2, стр. 214 и сл.

¹¹ См.: «Homenaje a don Julio de Urquijo», III, San Sebastian, 1950, стр. 207 и сл.; «Zeitschrift für Phonetik», II, стр. 182 и сл. и 336 и сл.; «Baskisch-kaukasische Etymologien», Heidelberg, 1949.

¹² В последних работах Р. Лафона (R. Lafon): «Conférences de l'Institut de Linguistique de l'Université de Paris», 1951; «Word», — VII, 1951, стр. 167 и сл.; — VIII, 1952, стр. 19 и сл.; «Études basques et caucasiques», Salamanca, 1952) не содержится ничего нового.

Среди 266 сравнений, которые Боуда приводит как самые вероятные, только некоторые могут быть принятыми за возможные:

- баск. (*h*)*ola* «балка»: лак. *ola* «балка»;
 баск. *eder* «красивый»: сван. *ezer* «красивый»;
 баск. (*h*)*azi* «питать»: абх. *adz(a)*, *az(a)* «питать»;
 баск. *zara* «корзинка»: груз. *dzar-i* «корзинка».

К этим соответствиям можно было бы прибавить еще десяток менее вероятных. Все остальные сравнения неубедительны, так как:

а) хотя значения действительно совпадают, но звуковая близость недостаточна для сопоставления, потому что она базируется на одной единственной фонеме, например:

- баск. *jo* «стучать»: черк. *o* «стучать»;
 баск. *jai* «рождаться»: абх. *i* «рождаться»;
 баск. *ihoe* «борозда»: груз. *K'vali* «борозда, след»;

б) в других словах звуковой состав близок, но значения различны, например:

- баск. *himo* «мягкий, зрелый»: лак *xjumi* «жидкий»;
 баск. *habe* «балка»: лак. *xjabi* «деревце (растение)».

Наконец, часть сравнений явно ошибочна, так как предметом сравнения являются баскские заимствования из других, обычно индоевропейских языков, как, например:

- баск. *altz*, *altza*, *alza* «ольха»: исп. (из гот.) *aliso* «ольха» из н.-е. **al(i)so-s*;
 ср. лат. *alnus* «ольха» из **als-no-s*;
 баск. *uztu* «жатва» от ром. *augustus*;
 баск. *zanko* «нога» («*jambe*») из испанского и т. д.¹³

Даже баскологи, приверженцы гипотезы родства баскского с кавказскими языками, признают, что баскские названия частей тела, родственных отношений и числительные совершенно отличаются от соответствующих слов в кавказских языках¹⁴. При этом следует подчеркнуть, что как Боуда, так и другие сторонники этого взгляда сравнивают баскские слова со словами из любых кавказских языков, тогда как фактически родство всех кавказских языков (например, некоторых северных и южных) еще не вполне установлено.

Некоторые пользуются для доказательства родства этих языков отдельными морфемами; например, баскский суффикс родительного падежа *-en* сравнивают с окончанием родительного падежа *-n* в некоторых северокавказских языках и т. д.¹⁵ Однако сравнения, базирующиеся на одной единственной фонеме, ничего не доказывают, так как число фонем ограничено и среди различных кавказских языков, морфологическая структура которых выявляет большое разнообразие, легко можно найти какую-нибудь морфему с подобной функцией. Так, например, баскский язык обладает постпозитивным членом *-a*, так же как и болгарский язык (ср. баск. *gizon* «человек» и *gizon-a*, болг. *човек* «человек» и *човек-a*), но это совпадение не может быть ничем иным, как случайной омонимией, так как славянское происхождение болгарской членной формы не подлежит сомнению.

¹³ См. J. H u b s c h m i d, «Vox Romanica», X, 1948/49, стр. 313.

¹⁴ См., например, R. L a f o n, Gernica = Eusko-Jakintza, («Revue des études basques»), 1, 1947, стр. 44.

¹⁵ См., например, там же, стр. 43 и сл.

Итак, доводы, приводимые в пользу рассматриваемой теории, не отвечают научным требованиям для установления родства языков, хотя бы и далекого. Никто до сих пор не открыл достаточного числа точных соответствий слов, на основе которых могли бы быть выведены убедительные звуковые соответствия. Отсутствует также какая-либо возможность указать родство целых категорий слов. Следовательно, нельзя считать, что родство баскского с кавказскими языками доказано.

Попытка К. Боуда, представляющая собой лучший и подробнейший анализ из всех, сделанных до сих пор, не может убедить даже такого сторонника родства, каким является И. Губшмид. Он пишет: «При рассмотрении сопоставлений Боуда мы нередко встречаем скорее этимологические возможности, чем правдоподобные сравнения»¹⁶. Весьма скептическое отношение ко всяческим подобным попыткам доказательства родства баскского с другими языками высказывает, например, видный басколог Ж. Лакомб¹⁷.

Ниже (на стр. 57 и 71) нами приводятся баскские числительные и личные местоимения. Здесь же будут даны более важные категории слов, из которых видно, что баскский не является родственным другим сравниваемым с ним языкам:

I. Термины, выражающие родственные отношения: *aita* «отец», *ama* «мать», *anae, anai, anaie, anaia* «брат» (биск. *anae, anai* «брат брата»), *neba* «брат сестры», *arriba* «сестра брата», *aizra, ahizra* (биск. *aizta*) «сестра сестры», *seme* «сын», *alaba, alhaba* «дочь», *senar, senhar* «муж, супруг», *emazte* «жена, супруга», *illoba, lloba* «внук, внучка (или племянник, племянница)», *erren, errein, erran* «невестка, сноха», *sui(u), suhi* «зять».

II. Названия частей тела: *begi* «глаз», *bearri, beharri, begarri, belarri* «ух», *sudur* «нос», *ortz, hortz* «зуб», *biotz, bihotz* «сердце» (*gogo*, часто сравниваемое с груз. *guli* «сердце», означает в сущности «мысль, дух, душа», «спенсёе, esprit»), *esku* «рука (кисть)», *beso* «рука» («brase»), *oin* «нога (ступня)», *zanko, zankho* «нога» («jambe»), *min, miin, mihi, miü* «язык», *belaur, belaurin* «колени».

*

При попытках показать родство баскского с кавказскими языками обычно исходят из концепции, что язык басков идентичен с языком древних пиренейских иберийцев, которых считают а priori единственным автохтонным или древнейшим населением Пиренейского полуострова. Однако факты показывают иное. Древние надписи на иберийском языке, т. е. на языке народа, занимавшего Средиземноморское побережье от Каталонии до Альмерии, а также и бассейна реки Эбро, не поддаются истолкованию при помощи баскского языка. При этом оказывается, что не существует явного сходства между окончаниями иберийских слов и окончаниями баскского склонения и спряжения. Отсюда ученые заключают, что баскский не происходит из древнего пиренейского иберийского языка, что эти языки вообще не имеют общего происхождения¹⁸. Многие склонны считать древний пиренейский иберийский язык хамитическим (ливийско-берберским). Кроме того, несомненно, что хамитический язык оказал влияние на баскский¹⁹. Хамиты (берберы, ливийцы, египтяне) — одни из древнейших племен североафриканского побережья. Они очень рано проникли на Пиренейский полуостров, в Сицилию и, вероятно, и в другие области. Так как берберский, ливийский и египетский языки имеют от-

¹⁶ «Vox Romanica», X, 1948/49, стр. 311.

¹⁷ См. G. Lacombe, «Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», V, 1937, стр. 18.

¹⁸ См.: J. C. Vagoja, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», I, 1951, стр. 261; H. Lafon, «Bulletin Hispanique», LIV, 1952, стр. 165 и сл.

¹⁹ См. об этом, например, C. C. Uhlenbeck, «Lingua», I, 1947, стр. 60 и сл.

даленное родство с семитическими языками и так как эти последние оказали влияние на кавказские и на малоазиатские языки, а финикийско-пунический, со своей стороны, оказал влияние на языки западной части североафриканского побережья, древней Испании, а отчасти и Сицилии, то некоторые общие элементы во всех этих языках могут иметь хамито-семитическое происхождение. Наконец, на Пиренейском полуострове в древности не исключено наличие нехамитических африканских племен.

В настоящее время считают, что на Пиренейском полуострове следует разграничивать три различных языковых зоны: а) васконскую; васконы — предки современных басков: вымерший в начале новой эры аквитанский язык на территории современной Южной Франции был близко родственным васконскому; б) иберийскую; в) тартессийскую в области древнего Тартеса²⁰. Кроме того, Пиренейский полуостров был отчасти колонизован финико-пунидцами, а также — в меньшей мере — греками и, вероятно, этрусками. Их языки также оказали более или менее сильное влияние на древнепиренейские языки.

III. ЭТРУССКИЙ ЯЗЫК

Памятниками этрусского языка являются текст на пеленах мумии, сохраняемой в Народном музее в Загребе в Югославии (так называемый *liber linteus*), а также около десяти тысяч надписей, в основном надгробных, реже посвяжительных — на бронзовых зеркалах, геммах, стеной живописи, на статуэтках, на вазах и т. д. Имеется также несколько этрусских глосс, сохраненных у античных писателей. Девять десятых надписей совсем краткие: они состоят почти исключительно из собственных имен. Несколько кратких надписей восходит к VII в. до н. э.; это — древнейшие этрусские письменные памятники. Основная масса надписей — позднее IV в. до н. э., а самые поздние относятся к началу новой эры.

За последние два века сделано множество попыток истолковать этрусские письменные памятники. Существует два метода их толкования — этимологический и комбинаторный. Сущность этимологического метода заключается в интерпретации этрусских слов путем сравнения со словами других языков. До сих пор пытались истолковать этрусские надписи при помощи самых разнообразных языков: еврейского, египетского, турецко-татарских, кавказских, баскского, финского, венгерского, древнеиндийского, армянского, греческого, итальянских, албанского, славянских, африканских, американских, японского... Эти попытки часто имели совершенно дилетантский характер и не приводили к удовлетворительным результатам. Основная ошибка их авторов состояла в том, что они пытались установить значения этрусских слов на базе внешнего созвучия. Это нельзя назвать научным приложением сравнительно-исторического метода.

Комбинаторный метод, установленный В. Деекке, состоит в определении значения этрусских слов и морфем на основе комбинаторных соображений, базирующихся только на изучении материала этрусских текстов, без учета этимологических сравнений с другими языками (К. Паули, Г. Гербиг, А. Торп, С. П. Кортсен). Работа при помощи этого метода дала положительные результаты: были установлены значения ряда слов и морфем. Однако применение этого метода довольно ограничено, и его возможности уже в значительной степени исчерпаны.

²⁰ См. R. Lafon, «Bulletin Hispanique», LIV, стр. 169. Предположение А. Шульгена (A. Schulten, «Klio», XXXIII, 1940, стр. 72 и сл.) о том, что так называемые тартессийские (турдетанские, лузитанские) надписи написаны на тиррено-этрuscoм языке, неубедительно.

Никому до сих пор не удалось привести какие-либо серьезные доказательства в пользу родства этрусского языка с баскским. Наоборот, чем более углубляются исследования этих двух языков, тем яснее становится, что между ними существует коренное различие. Таково в наши дни авторитетное мнение этрускологов, причем не только тех, которые в большей или меньшей степени разделяют мнение о индоевропейском характере этрусского языка, но и таких, которые считают его неиндоевропейским, как К. Баттисти, К. Ольша, М. Паллоттино и т. д.²¹

*

Лет двадцать назад преобладало мнение о неиндоевропейском характере этрусского языка, хотя и было ясно, что этрусские надписи содержат индоевропейские элементы. Указанное мнение опиралось главным образом на авторитетную и господствовавшую долгое время теорию о неиндоевропейском характере древнего догреческо-малоазиатского населения. Согласно с этой концепцией, индоевропейские элементы в этрусском определялись как заимствования из соседних индоевропейских языков в Италии. Однако большинство из этих элементов проявляется в этрусском в особой странной форме, не могущей найти удовлетворительного объяснения в качестве заимствования или же вообще отсутствующей в соседних языках (например, *tin* «день»). Из-за этого некоторые видные этрускологи придерживались мнения, что этрусский сроден с итальянскими языками (Э. Латте), с армянским (С. Бутге) или же, что он имеет отдаленное родство как с индоевропейскими, так и с кавказскими языками (А. Тромбетти).

Открытие хеттского языка, а также и других древних индоевропейских языков в Малой Азии, определение индоевропейского характера ликийского и лидийского, как и догреческого языка вызвали переворот в концепции о языковой принадлежности этрусков²². Новые данные заставили многих этрускологов отступить от своих прежних позиций. Так, например, П. Кречмер, считавший раньше этрусский неиндоевропейским языком, был вынужден в 1925 г. определить его как «индогерманоидный»²³, а в 1940 г. сделать еще один шаг вперед, признав, что «основа этрусского — индоевропейская»²⁴. Этрусколог Э. Феттер также изменил свою прежнюю концепцию, попытавшись доказать в 1937 г., что этрусский язык — индоевропейский²⁵. Изменили свое мнение и этрускологи В. Бранденштейн, Дж. Девото, М. Паллоттино и другие, принявшие положение, что этрусский язык представляет собой смешение какого-то индоевропейского языка с неиндоевропейским²⁶.

Наш взгляд на происхождение этрусков и их язык изложен в ряде статей, а также в работе «Языковая принадлежность этрусков»²⁷. Здесь будут даны только основные положения. Этрусски — переселенцы из северо-за-

²¹ См. С. Battisti, «Scientia», LVII, 1935, стр. 377; К. Olzsha, «Neue Jahrbücher», 1936, стр. 97; М. Pallottino, L'origine degli Etruschi, стр. 74; см. также V. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 38.

²² См. V. Georgiev, Die sprachliche Zugehörigkeit der Etrusker, Sofia, 1943, стр. 5 и сл.

²³ См. P. Kretschmer, «Glotta», XIV, 1925, стр. 317.

²⁴ См. P. Kretschmer, «Glotta», XXVIII, 1939/40, стр. 231 и сл., особенно стр. 267.

²⁵ См. E. Vetter, Etruskische Wortdeutungen, I, Wien, 1937; его же, «Glotta», XXVIII, 1939/40, стр. 117 и сл., XXIX, 1942, стр. 209 и сл.

²⁶ См. W. Brandenstein, «Revue internationale des études indoeuropéennes», I, 1938, стр. 301 и сл.; G. Devoto, «Studi Etruschi», XVIII, 1944, стр. 187 и сл.; М. Pallottino, L'origine degli Etruschi, 1947, стр. 60 и сл., 82.

²⁷ См. V. Georgiev, Die sprachliche Zugehörigkeit der Etrusker, Sofia, 1943.

надной Малой Азии: они потомки древних троянцев, колонизовавших Этрурию в несколько этапов, начиная с конца второго тысячелетия до н. э.²⁸ Этрусский язык близко родствен древним индоевропейским эгейско-малоазийским языкам: хеттскому, лувийскому, лидийскому и т. д. Как во всех этих языках, так и в этрусском (а также и в армянском) содержится известное количество неиндоевропейских элементов, главным образом в области лексики. Эти неиндоевропейские элементы принадлежат, вероятно, хаттскому («протохеттскому») или же какому-нибудь другому языку, находящемуся в родстве с ним. Поскольку хаттский язык имеет родственные связи с современными кавказскими языками, эти элементы этрусского языка должны были бы иметь соответствия в кавказских языках. Кроме того, этрусский язык, вероятно, воспринял некоторые чуждые ему элементы на новой родине. Однако по существу этрусский язык является индоевропейским. Это видно на примерах этрусских слов и морфем, вполне надежно установленных комбинаторным способом.

Наш метод интерпретации этрусского языка комбинаторно-этимологический. Сущность этого метода состоит в следующем. Значения этрусских слов и морфем определяются на основании комбинаторных соображений из самих текстов, без учета их этимологии. Затем, на базе слов и морфем с вполне достоверным значением и этимологией, устанавливаются основные черты сравнительно-исторической фонетики этрусского языка. Далее, с точки зрения этой фонетики, даются этимологии остальных этрусских слов и, таким образом, определяется принадлежность этого языка.

Самые важные черты этрусской сравнительно-исторической фонетики следующие:

и.-е. $\bar{o} >$ этр. a ; и.-е. $\bar{d} >$ этр. u ;

и.-е. $ai >$ этр. ai (архаизм), ei , e ; и.-е. $eu >$ этр. au , но и.-е. $\bar{e}u >$ этр. eu ; и.-е. $au >$ этр. u ; и.-е. r , l , n , m (\bar{r} , \bar{l} , \bar{n} , \bar{m}) $>$ этр. ur , ul , un , um ;

и.-е. начальное $i >$ этр. h - (или ноль), как в греческом.

Передвижение согласных приблизительно таково, как и в армянском: и.-е. p , t , $k >$ этр. φ (на письме φ , f , p), Φ (на письме Φ , t), χ (на письме χ , c , k); и.-е. b , d , $g >$ этр. p , t , k .

Делабинализация индоевропейских лабиовелярных согласных: и.-е. k^u , g^u , $gh^u >$ этр. χ (на письме χ , c , k), k (на письме e , k), γ (или h);

и.-е. $bh >$ праэтр. $b >$ этр. v ;

и.-е. $dh >$ праэтр. $d >$ этр. r ; ср. $d >$ умбр. \bar{r} , rs ; однако если в соседнем слове имеется звук r или l , ротацизма не происходит, приблизительно как в латинском;

и.-е. gh , $gh^u >$ праэтр. $g >$ этр. γ (h) или ноль;

и.-е. $r\bar{e} >$ $r\bar{a}$, как в аттическом диалекте греческого языка;

и.-е. g , $g^u >$ праэтр. k перед i , e , $\bar{i} >$ этр. z , s , как в умбрском и в народном латинском языках;

и.-е. l после гласной в конце слога $>$ \bar{l} (l), приблизительно как в умбрском языке;

ср. и.-е. $l >$ арм. γ ;

и.-е. интервокальное $-s- >$ $-r-$, как в латинском и умбрском языках;

и.-е. $kt >$ этр. Φ ;

и.-е. $ks >$ этр. z ($=ts$), как в армянском языке;

и.-е. начальное $sk- >$ этр. $h-$, как в албанском языке; но внутри слова $-sk- >$ z , s ;

и.-е. начальное du через $tu >$ этр. \bar{s} , как в греческом языке.

Внутри слова и.-е. $-du-$ и $-tu-$ $>$ tsv (вторичное изменение), как в мильском²⁹.

²⁸ См. В. Георгиев, «Вестник древней истории», М., 1952, № 4, стр. 133 и сл.

²⁹ Ср. Н. Pedersen, *Lykisch und Hittitisch*, Kopenhagen, 1945, стр. 44.

Приводим ниже доказательства индоевропейского характера этрусского языка. Даем только слова и морфемы, значение которых надежно установлено комбинаторным путем.

1. Термины, выражающие родственные отношения: *ati* «мать»: др.-инд. *atā* «мать», *atīh* «старшая сестра»; *clan* «нatus, filius, сын» из и.-е. **gnā-no-s* «рожденный» — причастие прош. страд. на *-no-* с диссимилиацией $n-n > l-n^{80}$: др.-лат. *gnātus*, классич. лат. *natus* «рожденный, сын» из и.-е. **gnā-to-s* — причастие прош. страд. на *-to-*; *nefs* «внук»: лат. *nepōs* (род. падеж *nepōtis*) «внук»; *paraqs* (или *rapals-*)⁸¹ «внук» (по материнской линии?), производное от *para-* «дед»: греч. *πάππος*, арм. *pap* «дед»; ср. др.-франц. *avelet* «внук», производное (уменьшительное) от *ave* «дед», нем. *Enkel* «внук», производное (уменьшительное) от др.-в.-нем. *ano* «прадед» (ново-нем. *Ahn*); *prumts, prumāš* «правнук»: лат. *pronepōs* «правнук»; *puia* «жена, супруга» из и.-е. **pu(u)-(i)ā*: греч. *ο-πίω* «жениться», лат. *puella* «девушка, молодая женщина»; *tu-saršī* (двойств. число) «супруги»: лат. *cōn-sors*, род. падеж *-rtis* «причастный»; родственный; супруга», итал. *con-sorte* «путник, -ца, супруг, -га»; *putzs, puts* «мальчик, руге»: лат. *putus* «мальчик», *pīsus* «мальчик»; *-dur* «потомок»: арм. *t'orn* «внук»; *lautn, latvn-* «семья, род» из и.-е. **leudh(i)-no-*, *lautni* «вольноотпущенник» (ср. лат. *libertus*): ст.-слав. *людьнѣ* «люди», латыш. *laidis*, мн. число «люди, челядь, прислуга» из и.-е. **leudh-*; ст.-слав. *людьнѣ* «либер, свободный человек» из и.-е. **leudh-no-s*.

Вообще все этрусские названия родственных отношений, значения которых известны, могут быть хорошо объяснены с точки зрения этимологических связей индоевропейских языков. Единственное исключение составляет *šex* «дочь». В нашей работе «Языковая принадлежность этрусков» (стр. 28 и сл.) указано, что *šex* правильно восходит к **seyr* (конечное *r* исчезает в этрусском, так же как в умбском) < **seθr* (переход *θr > γr*, как *tr > kr* в ликийском, пеллгийском и частично в народном латинском; ср. *macri=matrī*) < **tuāth(e)r* (исчезновение интервокального шипянта; ср. лик. *kbatra* из **ibatra=toatra* из и.-е. **dhughatrā*; *tu > š*; умлаут) < **tu(γ)āthēr* (передвижение согласных; *gh > θr*) < **dughatēr* (диссимилиация аспирированных) < и.-е. **dhughatēr*.

Наше объяснение некоторым кажется неправдоподобным, так как мы принимаем очень много фонетических изменений. Однако в этрусском языке действительно произошли значительные фонетические изменения, приблизительно как в ликийском, лидийском и армянском. С другой стороны, как раз это слово претерпело большие изменения и в других, довольно консервативных индоевропейских языках; ср. сербо-хорв. *di*, ново-греч. диал. (даковский) *sati*, оскск. *fuir* «дочь», происходящие из и.-е. **dhughatēr*.

II. Различные слова: *tin* «день», *Tinia* «Juppiter» (буквально: «блеск, свет»; ср. греч. *Zeús* из **dīēus* и лат. *dīs* «день») из и.-е. **din-*: ст.-слав. *днь* «день» из и.-е. **din*;

usil «солнце» (*au > u*): сабинск. *ausel* «солнце» из и.-е. **ausōs* «заря» + **sāuel* «солнце»; ср. лат. *sōl* «солнце» из и.-е. **sāuel*;

tiv- «луна» (буквально: «светящийся, светлый»; ср. греч. *σελήνη* «луна», производное от *σέλας* «блеск, свет», лат. *lūna* «луна» из и.-е. **louks-nā* «светящая, светлая», авест. *raořna-* «блестящий», арм. *lusin* «луна» наряду с *lois* «свет», ср.-ирл. *luan*, *lon* «свет, луна», др.-инд. *rocās-*, авест. *raořah-* «свет, день» из и.-е. корня **leukh-*) из и.-е. **diu-*, этр. *tiv-* «месяц» из и.-е. **dīes(o)-*: арм. *tiv* «день», др.-инд. *diva-sa-h* «день», *divya-*, *divia* «небесный», греч. Πάριξ «Селена» из **paυ-δiFla* «всесообщающая»;

šesan «аурора, заря» из и.-е. **iēg-i-ān* (буквально: «горящий, светящийся»): англосакс. *feccan* «гореть», *šacele* «факел», греч. *τῆγ-αυογ* «печурка для жарения»; ср. *aurōra* «заря» из и.-е. корня **au(e)s-* «светить», болг. *зора*, русск. *заря* из и.-е. корня **g'her-* «блестеть, сиять». Относительно образования ср. (до)греч. *Τι-άν*; *ais*, *eis* «бог» из **ais*, *aisuna-*, *aisna*, *eisna*, *aiser-*, *eiser-*, *eser-* «святой» из **aise-ro-*: маррупинск. *aisos* (лат. падеж мн. числа) «богам», умбр. *esono* «божественный, святой», греч. *ἱερός* «святой» из и.-е. **iseros*, др.-сакс., др.-в.-нем. *ēra* «почитание» из **ais-*;

⁸⁰ Ср. ту же диссимилиацию в сродном готском слове *niuklahs* «новорожденный» от **niu-knahs* = греч. *νεο-γυός* «новорожденный».

⁸¹ Слова *rafacs* не существует; следует читать *rapacs* (ср. E. Vetter, «Glotta», XXVII, 1939, стр. 179 и сл.).

a(i)vil «год»: лат. *aevum* «вечность, время, век», гот. *aiws* «вечность»; ср. русск. *вѣчина* «время»=болг. *година* «год»=чеш. *hodina* «час». Относительно образования ср.-латинские производные при помощи суффикса *-ile*: *sēd-ile*, *cub-ile*, *ov-ile* и т. п.; *θεγγυ-«бык»* из и.-е. **(s)tiēuro-*: нем. *Stier* «бык» из и.-е. **stiēuro-*, греч. *ταύρος* «бык» из и.-е. **tauro-*;

suθi, *suti* «могила» из и.-е. **sup-ti-o-m* или **sup-ti-s* (*pt* > θ), производное от и.-е. **sup-* «спать»; ср. греч. *κοιμητήριον* «место для сна, спальня»; *могила*, *кладбище*, производное от *κοιμάω* «укладывать в постель, усыплять»; *κοιμάομαι* «ложиться спать, спать»;

hīndi- «тень» из и.-е. **skin-ti-* (*sk* > этр. *h-*): алб. *hije* «тень» из **skajā*, греч. *σῆμα* «тень», др.-инд. *śhāyā* «блеск, свет, тень», гот. *skeinan* «светить, блистать»;

verse «огонь»: ст.-слав. *варъ* «жара», *варити* «варить» из и.-е. **uor-*, ст.-слав. *варъкити* «кипеть» из и.-е. **uor-*, лит. *verdū* «кипеть»; *versmē* «родник» из и.-е. **uer-*, арм. *varēm* «жечь, зажигать», *varim* «гореть»;

āndax: βορέας, ὄπιο Τυρρηγῶν («Борей» у этрусков. Гесихий)=этр. **anθ-* из и.-е. **an-to-s*; др.-норд. *and* «дыхание, дух, душа», *andi* «дух, дыхание, душа», греч. *ἀνεμος* «ветер», лат. *animus* «душа»;

cap-«сосуд, чаша»: хет. *kappis* «сосуд (употребляемый как мера)», лат. *capis* (род. падеж *capidis*) «(жертвенная) чаша»;

suplu=лат.-этр. *sūbulo* (род. падеж. *sūbulōnis*) «флейтист»: лат. *sibilo*, диал. *sifilo*, ром. *sūbilo* «свистеть» из и.-е. **suih1-*;

capys «сокол, ястреб»: др.-норд. *hawkr*, англо-сакс. *heafoc*, нем. *Habicht* «ястреб» из и.-е. **kap-*;

laiv- «левый»: лат. *laevus*, ст.-слав. *лѣвъ* «левый»;

zamdic, *zamtic* «золотой» (*ks* > z): греч. *ξανθός* «желтый, желтоватый»; ср. авест. *zari-* «желтый, желтоватый, золотой», фриг. *γλουρος* «золото»=греч. *χλωρός* «зеленый, бледножелтый»;

sacni-«посвящать, посвященный»: лат. *sancio* «освящать; устанавливать, постановлять», *sacer* «святой, посвященный»;

ziv- «живой» (с и.-е. **g^u* > праэтр. *k* перед *e, i* > z) = др.-инд. *jivah*, лит. *gyvas*, ст.-слав. *живъ*, лат. *vivus* «живой» из и.-е. **g^uivo-s*;

zil (= лат. основа *sen-*), «yéρω», «пожилой, старый, старейшина» [буквально: «живший (долгое время) > «пожилой, старый»]=ст.-слав. *жилъ* «живший», русск. *пожилой* из и.-е. **g^ui-lo-s* — причастие прош. действ. из **g^uei-*, **g^ui* «жить»; этр. *zil-χ*, *zil-c* «sen-ex, γέρων, старик, старец, старшина», *zil-aθ*, *zil-at* «sen-āt-or, γέρον, староста», *zil-c-ti-* «senecta, γερουσία, старость, старшинство», *zil-αχн(u)*-«быть старшиной, старостой»;

Ῥασην- (= греч. ἡγεμών) «царь» (*rē* > *rā*) = др.-инд. *rājan-* «царь» из и.-е. **rēgen-*; этр. *rašn(a)*- «царство, государство» = лат. *rēgnum* «царство»;

eresverae «Lucifer, Lucifer» из *cres-«утро, свет»* = лат. *crās* «завтра» и *-ver(a)* = лат. *-fer(a)* «несущий, носящий»; ср. лат. *luci-fer(a)*, греч. *λεωχο-φόρος, εωσ-φόρος, σελασ-φόρος*, арм. *lusa-ber* «светлоносный, зарница», *lusa-vor* «светлоносный» из и.-е. **bher-* и **bhor-*;

ever «дар» (буквально: «взнос») из и.-е. **ek-bhéro-m*: греч. *φέρειω* «нести», *φέρω* «приданное» (буквально: «взнос»), *έκ-φέρειω* «выносить, приносить; платить подать», арм. *berem* «нести, приносить»;

ciθ «род, племя, родина» (по Торпу — «Heimat»; по Кортсену — «Land, Reich») = лит. *kiltis* «род», латыш. *zilts* «род, племя»;

frontac (ср. лат. *fulgurator*) «жрец, гадающий по молниям» (*-ac* суффикс для образования имен действующего лица = слав. *-an*): (до)греч. *βροντη* «гром, молния»;

netšvis (род. падеж ед. числа) «утроба, внутренности» из и.-е. **nēdūi-* (*-išv-* из более старинного *-tu-*): греч. *γοмер. νηδύα* (мн. число) «утроба, внутренности», *νηδύς* «живот, утроба», ст.-слав. *нѣдро* «утроба» из и.-е. **nēd-*;

canθ-, *canθ-* «princeps, первый, глава, предводитель»: хет. *hantezzi-s* «первый», *hant-* «перёд», лик. *χнта-*, *χнте-*, лат. *ante* «перед» из и.-е. **hant-*;

purθne (ср. греч. *πρωτος*) «первый, глава, правитель, начальник»: греч. (до-греч.?) *πρωταις*, *πρωταις* «глава, правитель, господин» из и.-е. **pr^u-to-* или **pr^o-to-* «первый, передний»; этр. *epθnev* = греч. *πρωταις* «быть первым, первенствовать»;

puršvana «глава, правитель, начальник» (*t(h)u-* > *šv-*) = греч. **πρωτο-Γαυαξ*;

maru, *marun-* «этруский магнат» (лат. *magnatus*), «начальник, правитель, глава, вельможа» (ср. лат. *magister*), этр.-лат. *Maro* (род. падеж *Marōnis*) из и.-е. **mər(o)-*: др.-ирл. *mar*, галл. *māros* «большой, великий», рум. (фраг.?) *mare* «большой, великий»;

lauχ(u)m- [ср. лат. заимствование *luc(u)mo*, род. падеж. *luc(u)mōnis*] «этруский магнат, царь, сиятельный, знатный» (лат. *rex*, *princeps*) из и.-е. **leyk-* (*e*) *uθn-* (относительно образования ср. греч. ἡγεμών, χηδεμών и т. п.): лат. *lux* «свет,

блеск, слава», *lūseo* «светить, блестеть, сиять», *lūculentus* «светлый, красивый, большой, великий, значительный, богатый», *illustris* «славный, знаменитый, благородный», др.-инд. *ruk-mant-* «блестящий», др.-исп. *ljōmi* «блеск», гот. *laulmuni* «молния, пламя»;

δρῶνα-ἀρχή «власть, авторитет» (Гесихий); греч. *δρῶνος* «трон; царское достоинство»;

tur-ce (3-е лицо ед. числа прош. времени) «donavit, подарил» из и.-е. **dōr-*: арм. *tur-ke*, греч. *δῶρον*, ст.-слав. *даръ* из и.-е. **dōro-m*;

ar «делай», арθ «пусть он делает», *ar-ce* (3-е лицо ед. числа прош. времени) «сделал»: арм. *ar-nem* «делает»;

zix- «писать», *zixu*, *zicu* = Scribonius — личное имя, производное от *scribo* «писать», ср. лат. *signum* «знак»;

tupe «покоиться, quiesco»; ср. греч. (догреч.) *λεῖψω* «отдыхать, покоиться» из и.-е. *(s)lōpā-īō (ср. нем. *schlafen* «спать») из и.-е. **slēb-*, ст.-слав. *слаба* «слабый» из и.-е. **slōbo-s*);

hese «лежать» из и.-е. **īēk-* (и.-е. **i-* > этр. *h-*): лат. *iaceo* «лежать» из и.-е. **īak-*; ср. также лат. *iacio* «бросать», перф. *iēcī* из и.-е. **īēk-*;

cesi «покоиться», *ceseθ* «покоится»: лат. *quiesco* «отдыхать, спать, покоиться»; *sta* (3-е лицо ед. числа наст. или прош. времени) «ставит, посвящает» или «поставил, посвятил» = фалиск. *sta*; ср. др.-лат. *statod* (повелит. форма 3-го лица ед. числа) «пусть поставит», латвийск. *statti* «ставит»;

raχ «делай», *raχθ* «пусть сделает» из и.-е. **dhək-* (и.-е. *dh* > этр. *r*): лат. *faciō* из и.-е. **dhəkīō*;

harc (повелит. форма 2-го лица ед. числа) «поражай, бей»: арм. *harkanem* «поражаю. бью», хет. *hark-* «я разрушен», *hargas* «разрушение»;

θui «тут»: греч. диал. (лесб.) *τοῦ* «тут»;

-χε, -ce, -χ, -c, -k «que»: лат. *que* «и» из и.-е. **k^u*;
-m «que»: хет.-та *δῆ, τί*).

III. Местоимения: *mī* «я, меня», *mini*, *mine* «меня, (я)»: латвийск. *ami* «я, мне», хет. *amtik* «я, меня, мне», греч. *με*, диал. (кипр.) *μ* «меня», ст.-слав. *мѧ, мѧнѧ* «меня» из и.-е. **menē*, *mank* «мне» из и.-е. **minet*;
an «этот, это» из и.-е. **ono-* ст.-слав. *оъ* «он»;
eθ «этот, это» из и.-е. **e-to-*: русск. *этот, это*;

esa, *ca*, *cei* из **kā-ī*; ср. лат. *quae* (жен. род.) из **k^uā-ī* «это»: осск. *eko-это(т)*, хет. *kās* «это»: греч. *ἐκεῖ*, ион. *κεῖ* «там», греч. *ἐκεῖνος*, ион. *κεῖνος* «тот» из и.-е. **e-ko-* и **ko-*; род. падеж *ecs*, *ceš*, *cš* из и.-е. *(*e-*)*ke-so*; ср. греч. гомер.

τιο, ст.-слав. *чес*, др.-в.-нем. *hwes* из и.-е. **k^ue-so*; вин. падеж *esp*, *sen*, *en*, ср. хет. *kūn* (вин. падеж ед. числа от *kās*); местн. падеж ед. числа *ecθi*, *clθ(i)*, *calti* (*l = u*)³²; ср. хет. *kēti* (дат.-местн. падеж ед. числа от *kās*); вин. падеж мн. числа *ceus*, *ceuš* (и *cus*?) = хет. *kēus*, *kās* (вин. падеж мн. числа от *kās*).

IV. Числительные. Известны этрусские числительные от 1 до 6, без точного указания, которое из них 1, которое 2 и т. д. Как было указано в нашей работе «Языковая принадлежность этрусков» (стр. 31 и сл.), на основании комбинаторных соображений можно считать самым вероятным следующий порядок: *maχ*, *ša*, *huθ*, *θu*, *ci*, *gal*. В таком случае их этимология определяется следующим образом:

maχ «один» из и.-е. **smo-ko*³³; арм. *mī* «один» из и.-е. **smijo-*, греч. *μία* «одна», хет. *asma-* «один»³⁴, латвийск. *mu* «один»³⁵;
ša «два» из **tya* < и.-е. **dwo* «два» (*ty* > этр. *š*): гот. *twa* «два», иерогл. «хет.» *t(u)wai* «два»;

huθ «три» из и.-е. **u-θr*³⁶ с протетическим гласным *u* (по аналогии с *θu* «четыре») из и.-е. **tr-*; ср. арм. *erek* «три» с протетическим гласным *e* из и.-е. **tr-*;

θu «четыре» из **θur*: др.-инд. *turyaθ* «четвертый» из и.-е. **k(tur)-*, хет. *du(r)a-* «четвертый»³⁷;

ci «пять» из **ciq*: лат. *quinque* др.-прл. *coic* «пять»;

³² Однако можно предположить, что *l-* — по аналогии с формами, содержащими *mi-l-*; ср. хет. *kēl*, род. падеж от *kās*.

³³ Тот же суффикс *-ko-* появляется и в др.-инд. *e-ka-* «один» из и.-е. **oi-ko-*.

³⁴ Ср. А. Goetze, «Archiv orient. Inf», XVII, 1949, стр. 297.

³⁵ См. P. Meriggi, «Hirt-Festschrift», II, стр. 266.

³⁶ Выпадение конечного *r* характерно и для умбского языка; *h* перед *u*, как в греческом, в котором перед каждым начальным *u* появляется *h*.

³⁷ Ср. F. Sommer, «Indogermanische Forschungen», LVI, 1949, стр. 205 и сл.; M. Mayrhofer, Studien zur indogermanischen Grundsprache, Graz, 1952, стр. 42.

zal «шесть» из и.-е. *ksey(s) (ks > z и ey > au; au, au в этрусском часто передаются при помощи al, так как велярное l перешло в y): греч. ξεσ-«шесть» из и.-е. *kse(u)s наряду с ξξ, диал. Fξξ, арм. ves «шесть» из и.-е. *yekš.

Кроме того, известно, что semφ-, ſun- и nupφ- или tiv- обозначают «семь», «восемь» или «девять», хотя в точности неизвестно, которое из них обозначает «семь», «восемь» или «девять». На основании этимологических соображений можно определить с большой вероятностью следующее:

semφ-«семь» происходит из *se(m)phun³⁸ < и.-е. *septm; ср. гот. sibun «семь» из и.-е. *septm;

ſun-«восемь» = лит. aštuoni «восемь» из *oktō-ni³⁹;

nupφ-«девять» в nupφ-zi⁴⁰ «девять раз» с ассимиляцией v z > φ z и tiv-«девять» в tiv-alyls «девятисто» с ассимиляцией n-v > m-v: ликийск. ni (ñ)-«девять», иерогл. «хет.» niwai «девять», тох. ni «девять», лат. novem «девять» из и.-е. *neŋ-.

V. Морфемы: -a — окончание жен. рода ед. числа;

-s, -si — окончание род.-дат. падежа ед. числа из и.-е. окончания род. падежа ед. числа -s, sio;

-ſi, -ſ(-i, -i) — окончание местн. падежа ед. числа: греч. гомер. окончание местн. падежа ед. числа -ſi;

-a — окончание им.-вин. падежа мн. числа ср. рода;

-u — окончание род. падежа мн. числа из и.-е. *-ōm;

-asi, -as — окончание дат.-местн. падежа мн. числа из и.-е. *ā-si = греч. ασι,

γσι — окончание дат.-местн. падежа ед. числа, арм.-s — окончание местн. падежа мн. числа;

-eri — окончание из и.-е. *-oisi;

-u — окончание 1-го лица ед. числа наст. времени из и.-е. *-ō;

-χu(n), -cun — окончание 1-го лица ед. числа прош. времени = хет. -hhun;

-χe, -ce — окончание 3-го лица ед. числа прош. времени = греч. -χε в ξθη-χε и т. п.;

-ſ — окончание императива: лат. -tō-, хет. -tu;

-χus, -χuš, -χuz (наряду с -χyls: l — обратное написание, потому что в этрусском l после гласной перешло в y, как и в умбском) — окончание десятичных чисел из и.-е. *kmti: греч. (ξi-)κοσι, боот. (Fi-)κατι «двадцать»;

-nt-, -nſ — окончание из и.-е. *-nt-;

-u(n) = греч. -ων, лат. -ōn — суффикс для образования nomina agentis;

-ax, -ac — суффикс для образования этнических имен и nomina agentis, например: rum-ax «Rōm-ānus», velzn-ax «Volsiniensis» = слав.-ak; ср. чеш. videň-ak «венец» от Videň «Вена»;

-na — суффикс для образования прилагательных, производных от существительных из и.-е. *-no-;

-i — суффикс для образования прилагательных, производных от существительных = арм.-i из и.-е. *iio-;

-il — суффикс для образования производных существительных = лат. -ile;

-(i)za = греч. -ισχη — уменьшительный суффикс;

-zi, -z (из и.-е. *-ski) — суффикс для образования числительных наречий, например: ci-z (i) «пять раз» от ci «пять»: арм. -ēs, ср. erki-ēs «два раза» от erku «два».

Поскольку этрусский язык известен нам очень фрагментарно, очевидно, что приведенных данных о языковой принадлежности этрусков не мало. Существуют к тому же и другие соответствия, хотя они здесь и не приводятся, потому что значения соответственных слов и морфем нельзя еще считать вполне точно установленными. Вообще большая часть слов и морфем, интерпретированных с полной достоверностью на основании комбинаторного метода, оказываются явно индоевропейскими. Это — существенный аргумент при установлении этнической принадлежности этрусков.

Фонетическая структура этрусского языка очень похожа на структуру армянского; кроме того, некоторые этрусские слова имеют точнейшие соответствия в армянском языке. И это не случайно. Прародиной этрусков была северо-западная Малая Азия (область Трон), а как раз в этой

³⁸ С антиципацией назального согласного; ср. лат. septima-septima; ср. и этр. tindun = греч. Τιδωνς.

³⁹ Начальное ō исчезло также в алб. te-lē «восемь» от *oktō-l- и ново-греч. диал. xtu «восемь» из ōktō.

⁴⁰ pφ вместо φ (или p, f) — плеонастическое написание.

области и жили фригийцы, от которых, согласно античной традиции, произошли армяне. Даже если мы не будем считать это утверждение античных писателей совсем точным, все-таки предки армян, должно быть, жили где-то по соседству с троянцами.

Итак, по своим характерным чертам этрусский язык является языком индоевропейским. Однако в нем имеются и неиндоевропейские элементы, может быть, хаттско-кавказского или хурритско-кавказского происхождения, так как этруски были переселенцами из Малой Азии, где они соприкасались с неиндоевропейскими племенами. Одним из хаттско-кавказских элементов в этрусском является, по всей вероятности, притяжательный суффикс *-(a)l-*, встречающийся еще и в хеттском и лидийском языках⁴¹.

При определении происхождения некоторых этрусских слов или морфем встречаются большие трудности. Возьмем пример. В этрусском существует окончание для множественного числа *-ar, -er, -ur*, похожее на армянское окончание *-ear, -er*. Сначала армянское окончание представляло собой суффикс для образования коллективных имен (ср. др.-арм. *ōgear* «господь, знать»). Подобное окончание встречается также и в некоторых кавказских языках, например в сванском — *-ar, -ār*. Необходимо, чтобы кавказоведы и армянисты в точности установили происхождение этого окончания: представляет ли оно собою заимствование в армянском из кавказских языков, или наоборот?⁴² В первом случае можно предположить, что армяне и трояно-этрусски заимствовали его еще в очень раннее время. Вероятнее всего, однако, что дело касается случайной омонимии, так как подобные окончания встречаются также и в других языках; ср. умбр. *-ar, -ur* из и.-е. *-ās, -ās*, нем. *-er*, рум. *-urî* и т. д.⁴³ С другой стороны, не исключено, что переселившиеся в Италию этруски ассимилировали какое-нибудь доиндоевропейское население, говорившее на языке, родственном палеосардскому и древним пиренейским языкам. Следовательно, можно допустить наличие некоторого пиренейско-иберийского субстрата в этрусском языке.

Задачей кавказоведов является проверка наличия кавказских элементов в этрусском языке. Однако те, которые желали бы открыть такие элементы, должны быть основательно знакомы с этрусскими письменными памятниками, а не искать сравнений на базе одних внешних созвучий, как это делал Н. Я. Марр, который к тому же не был знаком с методами интерпретации этрусских надписей⁴⁴. Сравнения на основе омонимий не могут определить значений этрусских слов. Значения слов должны быть установлены прежде всего комбинаторным путем, и только после этого следует искать родственные связи. Нужно иметь в виду, что самой харак-

⁴¹ Хаттско-кавказское происхождение этого суффикса нельзя считать вполне точно установленным. Педерсен (H. Pedersen, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen...*, Kopenhagen, 1938, стр. 55) и А. В. Десницкая («Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 56) поддерживают мнение о том, что этот суффикс индоевропейского происхождения. В нашей работе «Догреческое языкознание» («Vorgriechische Sprachwissenschaft», София, 1941, стр. 138 и сл.) была сделана попытка объяснить его как индоевропейский суффикс, но ныне мы склонны считать его хаттско-кавказским. Таково также мнение Г. А. Капанцяна (см. его работу «Суффиксы и суффиксированные слова в топонимике древней Малой Азии», Ереван, 1948, стр. 36 и сл.). Кавказоведам предстоит основательно изучить этот вопрос, с тем чтобы достигнуть его окончательного решения. Заимствование суффиксов — явление нередкое: так, например, латинский суффикс *-arius* был заимствован еще в древности греческим, кельтскими, германскими и славянскими языками.

⁴² Такое окончание может быть заимствовано одним языком из другого; ср., например, албанское окончание для множественного числа *-llarë, -lerë*, заимствованное из турецкого.

⁴³ Этрусское окончание можно объяснить как индоевропейское (см. V. Georgiev, *Das Schicksal der idg. o-Deklination im Etruskischen*, стр. 30).

⁴⁴ См. об этом В. Георгиев, «Вестник древней истории», 1952, № 4, стр. 133.

терной чертой хаттского языка (и некоторых кавказских языков) является префиксация как средство словоизменения. Этот способ образования грамматических форм чужд этрусскому языку.

Те исследователи, которые довольно легкомысленно допускают родство этрусского языка с баскским или шумерским, должны были бы обратить большее внимание на числительные:

этрусские: «один» — *шесть* — *maχ, ša, huθ, θu, ci, zal*; «семь», «восемь» или «девять» — *semφ-, θun-, nupφ-* (или *muφ-*);

баскские: «один» — *bat*, «два» — *bi (biga, bida)*, «три» — *hirur*, «четыре» — *laur*, «пять» — *bost* или *bortz*, «шесть» — *sei(r)*, «семь» — *zazpi*, «восемь» — *zortzi*, «девять» — *bederatzi*;

шумерские: «один» — *aš, geš*, «два» — *min*, «три» — *eš*, «четыре» — *limmu*, «пять» — *i, ia*, «шесть» — *aš*, «семь» — *imin*, «восемь» — *ussu*, «девять» — *ilimmu*.

IV. ДОГРЕЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ

Греки — не автохтонные жители Эгейской области. Об этом мы находим сведения у древних писателей: Геродот (II, 56) и Фукидид (I, 3, 1), например, отмечают, что пелазги — более древнее население этой области, чем греки. К этим свидетельствам во второй половине XIX в. присоединились новые факты. Оказалось, что часть топонимики Эгейской области не может быть истолкована при помощи фактов греческого языка.

Особенно характерны географические названия с суффиксами *-vd-* *-vd-* и *-σ(σ)-*, *-ττ-*, как *Ἐρέμιαθος* — гора в Ариадии, *Παρνασσός* — гора в Фокиде, *Πύραυθος* — город на острове Крит, *Ἐγληττός* — гора в Аттике и т. д. По своему образованию эти географические названия имеют соответствия в Малой Азии, например: *Καριανδα* — остров (и город) в Карию, *Ἰαλικαρνασσός*, *-ησσός*, *Μύλασσος* — города в Карию и т. д.

Так как эти суффиксы, а также и основы этих имен не могли быть объяснены при помощи греческого или других индоевропейских языков, они были объявлены неиндоевропейскими. Поэтому в конце XIX и в начале XX в. считалось доказанным, что греки — первые индоевропейцы в Греции и что в Малой Азии не могло быть индоевропейских племен до конца второго тысячелетия до н. э.

К этим географическим названиям был присоединен еще ряд древнегреческих слов, этимология которых была неясна или противоречила закономерностям исторической фонетики греческого языка. Это прежде всего слова, содержащие те же элементы: *ἀσπίλιθος* «ванна», *πλίθιος* «кирпич», *νάρκισσος* «нарцисс»; далее такие слова, как *ἀναξ* «владыка, повелитель, царь, вождь», *βασιλεύς* «царь», *τύραννος* «царь, правитель, тиран», *πύργος* «башня, крепость», *τύρσις* «башня»; наконец, разные другие, этимологически не объясненные слова, как *ρόβον* «роза», *σίτος* «пшеница, хлеб», *σῆκον* «смоковница», *κάλως* «веревка, канат» и т. д.

Таким образом, постепенно утвердилась теория о неиндоевропейском характере догреческого населения, подробно разработанная и окончательно сформулированная тремя видными лингвистами — К. Паули, П. Кречмером и А. Фикком. Она была воспринята всеми единодушно и господствовала в течение всей первой четверти нашего века. Согласно этой теории, Малая Азия была территорией с населением, говорящим исключительно на неиндоевропейских языках, куда индоевропейцы могли проникнуть лишь в конце II или в начале I тысячелетия до н. э. С другой стороны, принималось как установленный факт, что догреческий язык, будучи также неиндоевропейским, был родственен малоазийским языкам.

Между тем были открыты новые факты, совершившие переворот в наших представлениях о генезисе племен и народов эгейско-малоазийской области. Важнейшим фактом было установление индоевропейского характера хеттского языка чешским ученым Б. Грозным. Позднее в Малой Азии был открыт ряд других индоевропейских языков. Это — обстоятельство первостепенной важности: в настоящее время индоевропейский характер догреческого языка (или догреческих языков), ликийского, этрусского,

и т. д. является уже аргументом более вероятным, чем противоположная точка зрения.

В период между 1936 и 1941 годами нам удалось по-новому подойти к исследованию догреческих элементов в греческом языке⁴⁵. При анализе слов и морфем, считавшихся догреческо-неиндоевропейскими, бросается в глаза то, что некоторые из них могли бы быть индоевропейского происхождения и имеют этимологические связи с другими индоевропейскими языками, но они появляются в греческом языке в форме, не соответствующей закономерностям исторической фонетики греческого языка. Так, например, слово $\pi\acute{\upsilon}\rho\gamma\omicron\varsigma$ «башня, крепость», засвидетельствованное еще у Гомера, точно соответствует немецкому слову *Burg* «башня, крепость». Индоевропейское происхождение немецкого слова несомненно; оно происходит из и.-е. $*bhrgh-$. Однако звуковые законы греческого языка не дают возможности вывести $\pi\acute{\upsilon}\rho\gamma\omicron\varsigma$ из и.-е. $*bhrgh-$: если бы слово было греческим, унаследованным из индоевропейского языка-основы, оно должно было звучать $*\pi\acute{\alpha}\rho\gamma\omicron\varsigma$. Слово же $\pi\acute{\upsilon}\rho\gamma\omicron\varsigma$ можно объяснить этимологически, принимая, что оно заимствовано из какого-то индоевропейского языка, в котором и.-е. r перешло в ur , $bh - gh$ диссимилировались в $b - gh$ и произошло передвижение согласных ($b > p$, $gh > g$).

Итак, при исследовании так называемых доиндоевропейских и других этимологически неясных слов греческого языка мы установили, что в греческом языке скрывается другой индоевропейский язык, до сих пор неизвестный. Мы не знаем названия этого языка и поэтому называем его условно «догреческим» индоевропейским, или пелагским. Самые характерные черты исторической фонетики этого языка следующие:

- 1) и.-е. \ddot{o} перешло в a ;
- 2) и.-е. r , l , n , m (ur , ul , un , um) дали ur (или ru), ul (lu), un , um (on , om);
- 3) произошло передвижение согласных: и.-е. p , t , $k > ph$, th , kh ; и.-е. b , d , $g > p$, t , k ; и.-е. bh , dh , $gh > b$, d , g ;
- 4) индоевропейские лабиовелярные согласные делябилизировались: и.-е. k^u , g^u , $gh^u > kh$, k , g ;
- 5) так называемые палатальные согласные k' , g' , gh' перешли в s (или β) и z (или δ);
- 6) индоевропейское антевокальное и интервокальное s сохранилось; оно не исчезло, как в греческом языке;
- 7) произошла диссимилиация аспирированных: $bh - gh > b - gh$, $th - kh > t - kh$ и пр.

Возможно ли существование такого индоевропейского языка? Изменение среднепалатальных k' , g' , gh' и переход $\ddot{o} > a$ совпадают с албанским языком; изменение лабиовелярных и «передвижение» согласных совпадают с армянским. Следовательно, этот особый «догреческий» индоевропейский язык (пелагский) занимает среднее место между албанским и армянским языками как в географическом отношении, так и по особенностям своего фонетического развития.

Допущение существования такого особого индоевропейского языка в Греции до греков сделало возможным этимологическое объяснение множества слов и морфем греческого языка, которые определенно считались неиндоевропейскими, или же не имели надежной этимологии, или, наконец, были неясными с историко-фонетической точки зрения. Таковы, например:

$\beta\rho\epsilon\tau\alpha\varsigma$ (ср. род) «деревянная статуя»: нем. *Brett* «доска» из и.-е. $*bhredhos$ (ср. род.);

греч. Гомер. $\gamma\alpha\iota\alpha$, аттич. $\gamma\eta$, ион. $\gamma\acute{\epsilon}\eta$, дор. $\gamma\tilde{\alpha}$ «земля, область, страна» из и.-е. $*gha\tilde{y}i\tilde{a}$ или $*gha\tilde{y}i\tilde{a}$ (-i\tilde{a}): гот. *gawi* «страна, область», нем. *Gau* из и.-е. $*gha\tilde{y}i\tilde{o}-m$, арм. *gavar* «область», греч. $\chi\acute{\alpha}\omicron\varsigma$ «пустое пространство» из и.-е. $*gha\tilde{y}-es$;

⁴⁵ В нашей первой работе по этому вопросу «Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur» были допущены некоторые ошибки, отчасти устраненные при дальнейших исследованиях (см. V. G e o r g i e v, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 3 и сл.).

θεῖον «орошать, смачивать, проливать»: греч. χι(F)ω «лить, проливать» из и.-е. **ǵʰeyō*;

θεράπην «жилище» из и.-е. **terəbnā*: греч. τέραπνον «дом, жилище» из и.-е. **terəbno-m*⁴⁶;

ἴδη «лес, дерево»: др.-ирл. *fid* «лес, дерево», др.-в.-нем. *witu* «дерево» из и.-е. **uidh-*;

ῥόδον «роза» из и.-е. **ǵrdho-m*: ново-перс. *gul*, арм. (из перс.) *vard* «роза», англо-сакс. *word* «терновый куст» из и.-е. **ǵrdh-*;

σεῖλος (ср. род) «свет, блеск» из и.-е. **seilos*: др.-инд. *svariti* «блестеть, гореть», англо-сакс. *swelan* «пылающий предмет». Если бы слово было греческим, оно должно было бы звучать **seilos*, ср. ἔλη, εἴλη «солнечный блеск, солнечный жар»;

σιγή «молчание» из и.-е. **siǵh-*: нем. *schweigen* «молчать»;

σῖτος «пшеница, хлеб»: гот. *hwaitais* «пшеница» из и.-е. **kʷeid-*, **kʷoid-*, **kʷid-*;

σῦς «свинья»: греч. σῦς «свинья» из и.-е. **si-s*;

ταχύς «быстрый» из и.-е. **toḱu-s*: др.-инд. *taku-h* «быстрый»;

τάφος «могила»: греч. τάφος «могила» из и.-е. **dʰm̥bho-s*.

В том же плане были объяснены и так называемые «доиндоевропейские» суффиксы в дреинегреческом языке, как и значительная часть географических названий, которые считались «доиндоевропейскими», например:

Ερύανθος — гора в Аркадии из и.-е. **uru-monto-s* «широкая гора»; др.-инд. *uru-* «широкий» (сравнительная степень *varīyah*), греч. εὐρύς- «широкий» (и.-е. корень **eur-*) и лат. *mōns* (род. падеж *montis*) «гора»;

Πύραυθος — город на острове Крит из **pūro-unt-*, производного от πύρος «пшеница, хлеб». Греческое соответствие было бы **Pūroús, -oúnτος*;

Γαργητός — гора в Аттике, производное от γάργυς «черный тополь» при помощи суффикса- **uenti-s*.

Наша концепция, встреченная вначале с некоторым скептицизмом⁴⁷, постепенно начала утверждаться⁴⁸, и даже некоторые языковеды, относившиеся к ней раньше отрицательно, позднее изменили свое мнение и восприняли ее основные положения⁴⁹. В последнее время некоторые языковеды, как, например, А. И. Ван-Виндекенс, О. Хаас, В. Мерлинген, приняли на себя ее дальнейшую разработку⁵⁰. Сам П. Кречмер вначале занял отрицательную позицию⁵¹, что отнюдь не удивительно, так как утверждение нового взгляда означало бы конец его устаревшей теории. Однако позднее, в нескольких обширных статьях, Кречмер пошел на значительные уступки, хотя и пытался спасти кое-что из своих старых концепций⁵². В последней из этих статей он предложил следующую гипотезу: так называемый «протоиндоевропейский» будто бы распался на две ветви: на «индо-

⁴⁶ В таком случае основное значение слова θεράπην в классическом языке «служанка» следует считать «народной этимологией» по аналогии с θεράπων (из и.-е. корня **dher-*, основа **dherā-p-*). — Ред.

⁴⁷ А. И. Ван-Виндекенс (A. J. Van Windekens, *Le pélasgique*, Louvain, 1952, стр. 7) объясняет это «новизну такого рода исследований».

⁴⁸ См.: М. Budimir, «Revue internationale des études Balkaniques», III, 1937, стр. 283 и сл.; W. Brandenstein, «Belleten», I, 1937, стр. 722 и сл.; его же, «Indogermanische Forschungen», LVI, 1938, стр. 292 и сл.; A. v. Blumenthal, «Zeitschrift für Ortsnamenforschung», XIII, 1938, стр. 240 и сл.; А. Товар, «Emerita», X, 1942, стр. 366 и сл.; В. Rosenkranz, «Indogermanische Forschungen», LIX, 1950, стр. 336 и сл.; V. Machek, «Listy filologické», LXX, 1950, стр. 243 и сл.; Н. Kronasser, «Bibliotheca orientalis», IX, 1952, стр. 27 и сл.; М. Mauryhofer, там же, стр. 2; V. Čihař, «Archiv orientální», XX, 1952, стр. 586 и сл.; А. В. Десницкая, «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 41 и сл.; А. Carnoy, «Orbis», I, 1952, стр. 423 и сл.

⁴⁹ См.: G. Devoto, «Studi Etruschi», XVII, 1943, стр. 359 и сл.; Н. Krahle, «Antike-Alte Sprachen», 1943, стр. 10 и сл.

⁵⁰ См.: книгу А. И. Ван-Виндекенса (A. J. Van Windekens, *Le pélasgique*), а также ряд его статей, начиная с 1950 года; О. Хаас, «Lingua Posnaniensis», III, 1951, стр. 63 и сл.; W. Merlingen, «Kretische Sprachreste im Griechischen», 1953.

⁵¹ См. Р. Kretschmer, «Glotta», XXVII, 1938, стр. 2 и сл.

⁵² См. Р. Kretschmer, «Glotta», XXVII, 1938, стр. 256 и сл.; XXVIII, 1939, стр. 101 и сл.; XXVIII, 1940, стр. 231 и сл.; XXX, 1943, стр. 213 и сл.

европейский» и на «ретотирренский» (или «ретопелагский»); из последнего в дальнейшем произошли языки пелаггов, тирренцев, этрусков и ретов. Прародиной «индоевропейцев» была якобы Северная Германия и близкие к ней области, а прародиной «ретотирренцев» — нынешние Чехословакия и Венгрия. При этом Кречмер заявил, что между его мнением и нашей теорией будто бы существует только «различие в степени родства, базирующееся на различии по времени»⁵³. Новая гипотеза Кречмера совершенно невероятна. Она представляет собой отчаянную попытку, пойдя на известные уступки в пользу новых положений, сохранить во что бы то ни стало кое-что из старых концепций. В ней явно сквозит желание сохранить идею северногерманской прародины «индоевропейцев».

Пелагский язык

Следуя за Н. Я. Марром, авторы «Истории Грузии» (т. I, стр. 16 и сл.) считают пелагский язык родственным кавказским языкам. Однако мы ничего не знаем о языке пелаггов. Известно лишь то, что пелагги принадлежат к догреческому населению. Следовательно, тот, кто утверждает, что пелагский язык имеет родственные связи с кавказскими языками, не руководствуется фактами, а высказывает мнение а priori.

В нескольких статьях мы показали, что более старинная форма имени Пелагγοί была *Πελαστοί и что это имя идентично с др.-еврейск. *Pe'lišt-îm* (ми. число), егип. *Pršt*, т. е. с именем филистимлян из Библии⁵⁴. Согласно библейской традиции, филистимляне были переселенцами с острова Крит. Французский археолог Ж. Берар подкрепил наши выводы археологическими данными⁵⁵. На этом основании могут быть определены как пелагско-филистимские несколько слов, выдаваемые в древнееврейских текстах за филистимские. Среди них самым интересным является *s'ran-*, титул филистимских царей в Библии. Его можно сопоставить с *τύραννος* «начальник, царь, тиран», которое считается «догреческим» словом. Оба слова родственны греческому *κράνος* «глава, начальник». Следовательно, все три термина происходят из и.-е. **k'w̥r̥es-no-s-*: звук *k*, изменившийся в греческом языке в *k*, перешел в пелагском в *s* или *š* (*τ* в *τύραννος* представляет собою греческую субституцию *β*), а *r*, перешедшее в греческом в *ρ*, в пелагском дало *ur* (см. выше). Из этого можно заключить, что пелагский был так называемым языком *satəm*, так же как иероглифический «хеттский» и ликийский.

Этеокритский язык

Этеокритским условно называется язык пяти довольно сильно поврежденных надписей, найденных в Пресосе на острове Крит⁵⁶. К ним позднее была присоединена одна надпись из Дрероса, датированная IV в. до н. э. Эти надписи считают «этеокритскими» лишь потому, что их интерпретация в качестве греческих сопряжена с известными трудно-

⁵³ См. P. Kretschmer, «Glotta», XXX, 1943, стр. 214.

⁵⁴ См. V. Georgiev, *Le déchiffrement des inscriptions minoennes*, Sofia, 1949, стр. 43 и сл.; его же, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», I, 1950/51, стр. 136 и сл.

⁵⁵ См. J. Bérard, «Revue archéologique», XXXVII, 1951, стр. 129 и сл.

⁵⁶ См.: J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, Heidelberg, стр. 145 и сл.; P. Kretschmer, «Glotta», XXXI, 1948/51, стр. 1 и сл.

стями. По нашему мнению, язык этих надписей — критский диалект греческого языка⁵⁷.

В сущности имя «этеокритский» подходило бы больше всего к критским или минойским надписям, принадлежащим к III и II тысячелетиям до н. э. Еще недавно язык этих надписей считался а priori неиндоевропейским, несмотря на то, что никому не удалось их прочесть. Это — характерный пример того, какие выводы делались на основании авторитетной, но в сущности ошибочной теории генезиса древних эгейско-малозападных племен.

Расшифровка крито-микенских надписей линейного письма Б, числом около 3500, началась с 1949 г.⁵⁸ Их язык оказался греческим. Однако он не представляет собою какой-либо более ранней ступени известных древнегреческих диалектов, а является особым греческим диалектом⁵⁹.

Лемносский язык

Язык надписи на плите с острова Лемнос считается близко родственным этрусскому. Повидимому, мы имеем дело с двумя довольно различными диалектами одного и того же языка⁶⁰. Наша попытка интерпретировать эту надпись, так же как и попытка П. Кречмера⁶¹, не может считаться убедительной. Несколько кратких фрагментов, найденных около двадцати лет назад⁶², нисколько не помогают истолкованию надписи.

*

Возникает следующий принципиальный вопрос: если какая-нибудь надпись, как, например, лемноская, не нашла до сих пор удачной интерпретации при помощи сопоставления с индоевропейскими языками, в праве ли мы считать ее язык неиндоевропейским, хотя никакой другой язык не помог ее интерпретации? В прошлом обычно считали, что если данный текст не удается интерпретировать, базируясь на хорошо известных древних языках, например, на греческом и латинском, его язык следует причислить к неиндоевропейским. На основании таких соображений и был определен как неиндоевропейский язык так называемых этеокритских надписей из Пресоса и Дрероса, «этеокипрских» надписей, лемносской надписи, этрусских надписей и т. д. Подобный взгляд был господствующим также и при этимологических исследованиях: если данное слово какого-нибудь индоевропейского языка не могло быть удовлетворительно интерпретировано при помощи сопоставления с индоевропейскими языками, то некоторые исследователи торопились объявить его неиндоевропейским.

Такой путь исследования неправилен. Каждый отдельный индоевропейский язык обладает своей собственной спецификой. Когда мы имеем дело с изолированными текстами (с одной или несколькими краткими над-

⁵⁷ См. V. Georgiev, «Revue de Philologie», XXI, 1947, стр. 132 и сл.; е го же, «Archiv orientální», XVII, I, 1949, стр. 277 и сл. Опыт П. Кречмера (P. Kretschmer, Anzeiger, Phil.-hist. Klasse, Akademie d. Wiss., Wien, 1946, № 7, стр. 81) интерпретировать эти надписи неубедителен.

⁵⁸ См. V. Georgiev, Le déchiffrement des inscriptions minoennes, Sofia, 1949.

⁵⁹ В. Георгиев и Вентрис — Чадвик (см.: В. Георгиев, Нынешнее состояние интерпретации крито-микенских надписей, София, 1954; Ventris — Chadwick, «Journal of Hellenic Studies», 1953, стр. 84 и сл.) считают язык этих надписей старинным греческим (ахейским) диалектом.

⁶⁰ См. В. Георгиев, «Вестник древней истории», 1952, № 4, стр. 139 и сл.

⁶¹ См.: V. Georgiev, Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, I, стр. 196 и сл.; P. Kretschmer, «Glotta», XXIX, 1942, стр. 89 и сл.

⁶² См. E. Vetter, «Glotta», XXVIII, 1940, стр. 228.

писями) неизвестного содержания, отчасти поврежденными или написанными *scriptio continua* (т. е. без интервалов между словами.— *Ред.*) на каком-то не особенно хорошо известном индоевропейском языке или диалекте, когда в таких текстах, по причине их особого содержания, не встречаются наиболее распространенные общиндоевропейские слова или же произошли значительные изменения в фонетической структуре языка,— у нас нет никаких оснований считать, что отсутствие убедительной интерпретации указывает на неиндоевропейское происхождение этого языка. Это касается в особенности южноиндоевропейских языков, о которых наши знания до сих пор еще довольно скудны.

Существует достаточное количество примеров, подтверждающих наше мнение. В 1902 г. Кнудтзон в общем правильно определил, что так называемые «Арзавские письма» написаны на особом индоевропейском языке. Однако результаты Кнудтсона были признаны правильными лишь после открытия хеттского языка. Если бы у нас не имелось индийских оригиналов тохарских переводов, нам не удалось бы понять почти ничего из этих текстов, и вряд ли мы смогли бы определить индоевропейский характер тохарского языка. И до сих пор еще много из древних галльских надписей остается без истолкования, несмотря на то, что кельтские языки сравнительно хорошо известны. Надпись из Езерава вполне обоснованно следует считать фракийской⁶³, однако и до сих пор еще есть языковеды, которые сомневаются в ее интерпретации. К сожалению, сравнительно-исторический метод зачастую не в состоянии помочь нам истолковать вполне убедительно тексты с неизвестным содержанием на мало известных языках. Его использование успешно лишь тогда, когда дело касается текстов на близком родственном языке, например, на авестийском и древнеиндийском, на умбрском и латинском, или же в применении к таким языкам, в которых не произошло значительных фонетических изменений. Если бы, например, мы не были знакомы с латинским и прочими романскими языками, при помощи сравнительно-исторического метода нам бы почти ничего не удалось понять из любого французского текста с фонетической орфографией, даже вряд ли мы смогли бы определить, что французский язык — индоевропейский.

То же относится и к этимологическим исследованиям. Несомненно, что во всех индоевропейских языках имеются заимствования неиндоевропейского происхождения: «чистых языков» не существует. Однако отсутствие убедительной индоевропейской этимологии данного слова в каком-нибудь индоевропейском языке вовсе не доказывает того, что оно неиндоевропейского происхождения. Некогда, под влиянием теории о неиндоевропейском характере догреческого языка, особенно злоупотребляли определением греческих и латинских слов как неиндоевропейских. Характерным примером в этом отношении являются слова (F) *οἶνος* и *vīnum* «вино». Под влиянием господствующей теории А. Мейе определил эти слова как заимствованные из предполагаемого доиндоевропейского малоазийского субстрата⁶⁴, и его мнение было воспринято почти всеми. На основании предположения о родстве кавказских языков с доиндоевропейскими языками Средиземноморья иные считали, что греческие и латинские слова, обозначающие вино, восходят к неиндоевропейскому слову, родственному грузинскому *ṽino*. Однако индоевропейское происхождение этих слов не вызывает никаких сомнений.

⁶³ См. V. G e o r g i e v, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», LXV, 1938, стр. 184 и сл.

⁶⁴ А. Meillet, Mémoires de la Société de linguistique de Paris, XV, 1908/9, стр. 161 и сл.

Из греческого слова *οἴνη* «лоза (вино)» видно, что первоначальное значение было «лоза» и что различие в родах между *οἴνη* и *οἶνος* имеет целью разграничить растение от его продукта. Греч. *οἴνη* «лоза» восходит к и.-е. **h₂oi-nā* и является производным от того же корня, что и латинское слово *vitis* «лоза, виноград, вино» из и.-е. **h₂oi-ii-s* или **h₂ei-ii-s*. Первоначальное значение этих слов — «вьющееся (ползучее) растение; растение, которое вьется вокруг чего-нибудь». Они являются производными от корня **h₂ei-* «вить, виться»: лоза — растение, которое вьется вокруг других растений или деревьев. Эти слова родственны *οἶνον* *ἄμαδενδράδα* (вин. падеж ед. числа «лоза, которая вьется вокруг деревьев»). Гесихий) = *ἴσος* из и.-е. **h₂io-*. В связи с этими словами можно определить и странную на первый взгляд форму хеттского слова *wijana-* «вино»: оно происходит из **h₂i(i)ō-nā* или **h₂i(i)ō-no-*; ср. греч. *ἴη* и *ἴον* «лоза». Так как в грузинском языке имеется довольно много заимствований из греческого и из других индоевропейских языков, то грузинское слово *γwino* является несомненным заимствованием из какого-нибудь индоевропейского языка⁶⁵ (ср. арм. *gini* «вино» из и.-е. **h₂oiniō-*), а не наоборот. С другой стороны, семитическое слово **h₂aini* (араб. эфиоп. *ḥain*, др.-еврейск. *yayin*, ассир. *īnu*) заимствовано из какого-то догреческого языка, вероятно, из языка пелазгов-филлистимлян, как это явствует из перехода *oi > ai*. Известно, что одним из важных экспортных товаров крито-микенских торговцев было вино.

V. ЯЗЫКИ ЗАПАДНОЙ МАЛОЙ АЗИИ

А. С. Чикобава утверждает, что «...экспансия индоевропейских племен в Малую Азию датируется вторым тысячелетием до нашей эры, но не раньше»⁶⁶. Автор не приводит доказательств, подкрепляющих его взгляд, но он и не мог бы этого сделать, так как такие доказательства вообще отсутствуют. В этом отношении его подвела авторитетная в течение долгого времени, но фактически шовинистическая и расистская теория о прародине индоевропейцев в Северной Германии, по которой индоевропейцы якобы начали переселяться из Северной Германии лишь в конце III тысячелетия, а потому они и не могли находиться до этого времени в Малой Азии.

Как мы изложили в нашей работе «Догреческое языкознание» (стр. 46 и сл.), А. Гётте, на основании языковедческих и археологических данных, совершенно правильно указал на то, что индоевропейские племена, а именно лувийцы, населяли западную и юго-западную Малую Азию уже в III тысячелетии до н. э.⁶⁷ По всей вероятности, индоевропейские племена очень рано — в III тысячелетии и даже еще раньше — обитали в западной Малой Азии, где они находились в соприкосновении с неиндоевропейскими племенами, населявшими восточную Малую Азию. Здесь и произошли различные сложные процессы скрещивания языков. Эта концепция подтверждается археологическими данными⁶⁸.

В пользу такого взгляда говорят и следующие лингвистические сообщения. Характерные старинные эгейско-малоазийские географические названия с суффиксами *-nd-* и *-s(s)-* встречаются в западной и юго-западной Малой Азии, но отсутствуют в восточной и особенно в северо-восточной Малой Азии, т. е. там, где засвидетельствовано присутствие неиндоевропейских племен (хаттов, хурритов).

Показательны в этом отношении результаты, достигнутые независимо от нас видным арменистом Г. А. Капанцяном. Он устанавливает, что географические названия с суффиксом *-nd-* не встречаются в урартских кли-

⁶⁵ Ср. Deeters, «Indogermanische Forschungen», LVI, 1938, стр. 139 и сл.

⁶⁶ А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, стр. 226.

⁶⁷ A. Götz, Kleinasiens, стр. 21 и сл., 47 и сл.; см. также Meillet — Cohen, Les langues du monde, 1952, стр. 17.

⁶⁸ См. K. Bittel, Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens, 2-е изд. 1950, стр. 160 и сл.

пописных текстах. В древних клинописных документах из северо-восточной Малой Азии их также почти нет. Поскольку подобные имена появляются в Грузии и Армении, они, очевидно, более позднего происхождения и связаны с переселением некоторых племен и греческой колонизацией. Подобные отдельные имена в более старинных документах из северо-восточной Малой Азии следует считать тоже перенесенными с юга. Далее Г. А. Капанцян указывает, что суффикс *-nd-* индоевропейский⁶⁹.

Происхождение данного суффикса действительно индоевропейское. Часть этих имен содержит обыкновенный индоевропейский суффикс **-cent-*, **-cont-*, употребляемый для образования географических названий; ср., например, наименование карийского острова (и города) *Καρύαδα*, восходящее к и.-е. **karuā-cont* (или *cent*) «место, где растут орехи», ср. греч. *καρύα* «орешник». Другая часть содержит лувийский суффикс множественного числа *-and-*, *ind-* или *-end-*; ср. хеттский суффикс *-ant-*, употребляемый для образования собирательных имен и множественного числа имен среднего рода⁷⁰.

Такое же заключение делает Г. А. Капанцян и относительно географических названий с суффиксом *-s(s)-*. Он указывает на то, что такие имена встречаются только на запад от Евфрата, но их нет в Субарту и Урарту. Далее он заключает, что этот суффикс имеет индоевропейское происхождение (лувийско-хеттское)⁷¹. Те, которые ищут родства догреческого суффикса *-σ(σ)-* или *-ττ-* с каким-то неиндоевропейским суффиксом *-s(s)-* из северо-восточной Малой Азии, должны иметь в виду следующее: различие, существующее между *-σ(σ)-* и *-ττ-* в древнегреческих диалектах, не может быть объясненным, если греки заимствовали какой-то суффикс *-s(s)-*. Это различие объяснимо только, если первоначальная форма этого суффикса была *-(n)t(h)i-*, *-t(h)u-* или *-k(h)i-*, но никак не *-s(s)-*. Следовательно, все попытки объяснить такие географические названия в Эгейской области, как *Ἀρθητικός*, *Βριλητικός*, *Γαργητικός*, *Λομβητικός*, *Σπαλητικός*, *Σρητικός*, *Υητικός*, *Υμητικός*, при помощи какого-то неиндоевропейского суффикса *-s(s)-* ошибочны. С другой стороны, этот суффикс нельзя вывести и из какого-то неиндоевропейского суффикса *-t(t)-*, потому что в таком случае форма *-σ(σ)-*, появляющаяся в определенных диалектах, остается необъяснимой. Это диалектное разнообразие находит свое объяснение, если первоначальная форма суффикса была **-centiō*. Следовательно, часть этих имен содержит индоевропейский суффикс **-centiō*, **-contiō*, **-untiō*, а остальные — лувийский притяжательный суффикс *-assa-*, восходящий к и.-е. **-osio*⁷².

Исходя из этих соображений, которые можно подкрепить археологическими данными, мы и считаем возможным утверждать наличие разницы между западной и восточной Малой Азией в языковом отношении.

Ликийский, лидийский и карийский языки

Особенно поучительный пример коренного изменения, происшедшего за последние десятилетия во взглядах на языковую принадлежность древних эгейских языков, представляет история исследований ликийского языка.

⁶⁹ См. Г. Капанцян, Суффиксы и суффиксированные слова в топонимике древней Малой Азии, стр. 5 и сл.

⁷⁰ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 135 и сл., 180 и сл.

⁷¹ См. Г. Капанцян, указ. соч., стр. 11 и сл.

⁷² См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 127 и сл. и 180 и сл.; см. также выше. Изменение и.-е. *-nt-* в догреч. *-vθ-* связано с «передвижением согласных» (*t > th*).

Еще в 1897—1902 годах С. Бутге, А. Торп и Х. Педерсен установили, в значительной степени правильно, индоевропейский характер ликийского языка. Однако некоторые неизбежные ошибки, допущенные авторами в начальной стадии их работы над интерпретацией надписей, а также — и это в первую очередь — авторитет господствующей теории о неиндоевропейском характере догреческо-малоазиатского населения воспрепятствовали языковедам занять правильную позицию в вопросе о происхождении этого языка. Только в 1936 г., когда авторитетность указанной теории была в значительной мере распатана, П. Мериджи, изменив свое прежнее мнение о неиндоевропейском характере ликийского и лидийского языков, реабилитировал результаты исследований упомянутых выше ученых и присоединил новые аргументы. В наши дни уже не может существовать никакого сомнения относительно индоевропейского происхождения ликийского языка⁷³. Вот важнейшие данные:

I. Термины, выражающие родственные отношения: *kbatra* «дочь» из **ibatra* <и.-е. **dhughetṛā*: греч. θυγάτηρ «дочь»; *χῆνα* «мать»: хет. *hannas* «бабушка», лат. *anus* (жен. род) «старуха», др.-прусск. *ane* «старая мать»; *lada* «супруга»: русск. и сербо-хорв. *lada* «супруга»; *χυγα* «дед» (с материнской стороны): хет. *huhhas*, лат. *avus* «дед» из и.-е. **hauhos*.

II. Происхождение ряда числительных очевидно: *tuwēri* «два» из и.-е. **duǵ-*, *ibi*, *kbi* «два» (с *ib-* из *du-*); *tri(s)* «три»; *kadr-* «четыре»: лат. *quadr-* «четыре»; *nu(ḥ)* «девять»: лат. *novem* «девять»; *sṇta* «сто»: лат. *centum*, лит. *šimtas* «сто».

III. Названия частей тела: *pededi* «пехотинец», производное от *ped-* «нога»: лат. *pēs* (род. падеж *pedis*) «нога»; *tern* = арм. *jern* «рука; войско».

IV. Различные слова: *esbedi* «конница», производное от *esb-* «лошадь»: др.-инд. *aśva-*, авест. *aśpa-* «лошадь»; *χῆτε-weete* (3-е лицо ед. числа прош. времени) «вел, водил», *χῆτα-wata* «вожак вождь», сложное слово от *χῆτε-*, *χῆτα-*; ср. хет. *hante-zzi-š* «первый», *hant-* «перед» и *wet-*; ср. ст.-слав. *вѣдъ* и *-wata* из и.-е. **uodho-s*; ср. ст.-слав. *вождь* от **uodho-*;

tāti, *tadi* «ставит» из и.-е. **(s)ti(h)ā-* = греч. ἵστημι «ставить»; *tuweti* «ставит, воздвигает, посвящает» из и.-е. **(s)ti(h)ū(u)-*: ст.-слав. *ставити* из и.-е. **st(h)āu*;

emi «мой, моя», *emi* «меня, мне»: греч. ἐμός «мой», ἐμοί «мне»;

ne = лат. *ne*;

epi = греч. ἐπί;

ḥti = греч. ἄντι;

ḥte = др.-лат. *endo* «ин»;

-ce = лат. *que* «и».

V. Морфемы: *-a* — окончание им. падежа ед. числа жен. рода;

-aⁿ — окончание вин. падежа ед. числа жен. рода;

-as — окончание вин. падежа мн. числа жен. рода;

-ti, *-di* — окончание 3-го лица ед. числа наст. времени;

-nti (ср. *tāti*) — окончание 3-го лица мн. числа наст. времени;

-ḥa — окончание 1-го лица ед. числа прош. времени: греч. *-α* в ἔθ-η-α.

-te — окончание 3-го лица ед. числа прош. времени;

-nte (ср. *prḥnawāte*) — окончание 3-го лица мн. числа прош. времени;

-tu — окончание императива 3-го лица ед. числа; ср. др.-лат. *-tō*;

-ntu (ср. *tātu*) — окончание императива 3-го лица мн. числа;

-ana, *-ane* — окончание инфинитива, как в германских языках.

Значения всех этих слов и морфем установлены комбинаторным способом, без

⁷³ См.: J. Friedrich, «Neue Jahrbücher», 1937, стр. 440; V. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 50 и сл.; H. Pedersen, Lykisch und Hittitisch, 1945; S t u r t e v a n t—H a b n, Hittite language, I, 1951; M e i l l e t—C o h e n, Les langues du monde, 1952, стр. 184 и 205; А. В. Д е с н и ц к а я, «Вопросы языковедения», 1952, № 4, стр. 41, 45 и сл.

учета их этимологии. Если мы примем во внимание тот факт, что ликийский язык известен нам весьма фрагментарно⁷⁴, то значение перечисленных выше данных очень велико: на их основании мы можем без колебания определить ликийский язык как индоевропейский.

*

В весьма сходном с ликийским языком положении находится и лидийский язык, но здесь материал еще более скуден. Вот самые важные данные о индоевропейском характере лидийского языка:

I. Местоимения: *ami* «я, мне»: хет. *amtiik* «я, меня, мне»;

amis «мой»: греч. *ἔμῳς* «мой»;

pis или *χis* «кто», *pid* или *χid* «что»: лат. *quis* «кто», *quid* «что»;

alalā «другой»: лат. *alius* «другой».

II. Различные слова: *civs* «бог», *civa-* «богиня»: лат. *deus* «бог», *dea* «богиня» из и.-е. **deiwā*;

de-, *da-* — «дать»;

kud «где»: ст.-слав. *къдъ* «где»;

-k = лат. *-que*;

ni-k = лат. *ne-que*.

III. Морфемы: *-a* — окончание им. падежа ед. числа жен. рода;

-av — окончание вин. падежа ед. числа жен. рода;

-s, *-s* — окончание им. падежа ед. числа муж. рода;

-d — окончание им. падежа ед. числа ср. рода; ср. лат. *quid*;

-u — окончание 1-го лица ед. числа наст. времени (и.-е. *-ō*);

-i, *-d* — окончание 3-го лица ед. числа прош. времени;

-to — окончание страд. причастия прош. времени;

-i — причастное окончание (ср. слав. *-аъ*, арм. *-eal*, *-ol*).

В ликийских и в лидийских надписях есть довольно много слов, которые остаются непонятными. Это, естественно, еще не доказывает их неиндоевропейского происхождения. Все-таки можно предполагать, что часть из них хаттского, хурритского или вообще кавказского происхождения, как и в хеттском или армянском языках. Задачей кавказоведов является исследование этих элементов в рассматриваемых языках. Надо, однако, иметь в виду, что не все неиндоевропейские элементы в них следует приписывать а priori кавказским языкам. На эти языки, в особенности на лидийский, а также и на другие малоазийские языки, оказали известное влияние семитические языки (ассирийский, арамейский)⁷⁵. Так называемый милийский считается ликийским диалектом. Х. Педерсен определяет его как особый индоевропейский язык⁷⁶. Во всяком случае, его происхождение так же не возбуждает сомнений, как и происхождение ликийского языка.

О карийском языке пока что нельзя сказать ничего вполне достоверного, так как карийских надписей мало, состоят они почти целиком из личных имен, а к тому же и фонетическая значимость части знаков установлена не вполне достоверно. Все-таки имеются известные данные о том, что и карийский принадлежит к малоазийским индоевропейским языкам: таково, например, окончание род. падежа ед. числа *-he*, *-hi*, в милийском *-si* (из и.-е. **-sio*). С другой стороны, карийская глосса *κῶς* «*κράβατος*

⁷⁴ Тритч (F. J. Tritsch, «Archiv orientální», XVIII, 1—2, 1950, стр. 515) приводит следующие «статистические данные»: значения 20 слов вполне достоверны, так как они встречаются в билингвах; значения других 20 слов установлены с полной вероятностью на основании комбинаторного метода; значения еще 20 слов установлены с вероятностью тем же способом; значения 40 слов могут предполагаться на базе контекста. Кроме того, значения некоторых морфем тоже установлены вполне надежно.

⁷⁵ См. V. Georgiev, «Archiv Orientální», XVII, I, 1949, стр. 280 и сл.

⁷⁶ См. H. Pedersen, Lykisch und Hittitisch, стр. 54 и сл.

(скот)» (Афиней, XIII, 580), несомненно, родственная дор. βῶς «вол» из и.-е. *g^hō(u)s, свидетельствует о том, что в карийском произошло «передвижение согласных» и делабиализация лабиовелярных⁷⁷. Это характерно для «догреческого» индоевропейского языка. В последнее время были найдены новые карийские надписи; кроме того, Л. Робер опубликовал 16 карийских надписей, отчасти поврежденных⁷⁸; некоторые из них напечатаны впервые. Может быть, эти надписи помогут уточнить характер карийского языка.

*

Кроме надписи из Лемноса, о которой говорится выше, в западной Малой Азии было найдено еще несколько других отдельных надписей. Индоевропейский характер так называемой мизийской надписи с сильно поврежденным текстом, найденной в 1926 г. и опубликованной в 1932 г., определяется на основании слов *braterai's patrizi*, т. е. индоевропейских слов со значением «брат» и «отец»⁷⁹. Известно также и несколько кратких надписей из города Сиде в Памфилии, исследованных в последнее время Г. Боссертом⁸⁰. В языке этих надписей автор открывает черты, определяющие его родство с другими малоазийскими индоевропейскими языками, в особенности с иероглифическим «хеттским», лидийским и ликийским.

Так называемые пизидийские надписи были недавно исследованы Р. Шафером⁸¹. Несмотря на результаты этого опыта, И. Сундвалль продолжает отстаивать свою точку зрения, что в указанных надписях содержатся одни лишь личные имена⁸².

VI. ЯЗЫКИ ВОСТОЧНОЙ МАЛОЙ АЗИИ И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Хеттские, лувийский и палайский языки

Клинописный хеттский (или неситский) язык является, несомненно, языком индоевропейским, потому что его основной словарный фонд и грамматический строй — индоевропейские. Правда, в хеттском языке содержится довольно много неиндоевропейских элементов, главным образом в области лексики, но это не изменяет основного положения. Этих чуждых элементов в хеттском не многим больше, чем подобных же элементов в армянском языке или славянских элементов в румынском. И все же армянский является языком, несомненно, индоевропейским и румынский — романским. По этому вопросу имеется достаточно много литературы. Вступительная статья А. Десницкой к «Краткой грамматике хеттского языка» П. Фридриха (М., 1952) дает ясное представление о хеттском языке. Следовательно, мнение А. С. Чикобава о том, что хеттский (неситский) и лувийский языки «...по морфологии сближаются с индоевропейскими, но лексику имеют неиндоевропейскую (лексика хеттская или хеттизированная)...»⁸³, неправильно. С другой стороны, ошибочно было бы считать, что чуждые элементы в хеттском исключительно хаттско-кавказского происхождения. На хеттский оказали влияние также и другие языки, особенно семитические.

⁷⁷ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 90 и сл.

⁷⁸ L. Robert, «Hellenica», VIII.

⁷⁹ См. J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, стр. 140 и сл.; его же, *Real-Encyclopädie der Altertumswissenschaft*, 1947 (под *Phrygia*).

⁸⁰ См. H. Bossert, «Belleten», XIV, 1950, стр. 1 и сл.

⁸¹ См. R. Shafer, «American journal of philology», LXXI, 1950, стр. 239 и сл.

⁸² См. J. Sundwall, *Kleinasiatische Nachträge*, 1950, стр. 47.

⁸³ А. С. Чикобава, указ. соч., стр. 225.

Хеттский содержит в значительной мере хаттско-кавказский субстрат. Важной задачей кавказоведов является исследование этого субстрата. Хеттский язык, однако, обнаруживает, в сравнении с другими индоевропейскими языками, некоторые особенности, которые нельзя считать неиндоевропейскими (например, частичное сохранение так называемых ларингальных звуков). Эти особенности встречаются также и в некоторых южноиндоевропейских языках, которые лишь в последнее время начинают исследоваться более основательно. Исходя из таких и ряда других соображений, в нашей работе «Догреческое языкознание» мы высказываем следующее соображение: еще очень рано, вероятно, в IV и III тысячелетиях, индоевропейские языки уже делились на три большие диалектные группы — северную (балто-славянский, германский языки), центральную (индо-иранский, греческий, латинский) и южную (хеттский, ликийский, этрусский и т. д.). К этому времени индоевропейские племена компактными массами населяли поречье Дуная и некоторые соседние области, а также и северную часть Причерноморья⁸⁴. Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков базировалась до сих пор главным образом на языках центральной группы и в меньшей степени — на языках северной группы. Только недавно началось ознакомление также и с южной группой; потому здесь и открываются некоторые особенности индоевропейских языков, бывшие до сих пор неизвестными⁸⁵.

Из скудного материала о лувийском языке, который имеется в нашем распоряжении, явствует, что он близко родственен клинописному хеттскому. По вопросу о индоевропейском характере лувийского языка в силу те же доводы, которые были приведены по отношению к хеттскому. Еще более скудные данные о палайском языке, но все-таки на основе последних исследований, сделанных Г. Оттенем и Г. Боссертом⁸⁶, можно утверждать, что он очень близок лувийскому.

Иероглифические «хеттские» надписи, датируемые временем с XIV до VIII в. до н. э., известны уже с довольно давних пор. Был ряд попыток их расшифровки, однако начало их обоснованной дешифровки положено только в 1930—1932 годах XX в. в работах П. Мериджи, Дж. Гельба, Б. Грозного, Э. Форрера и Г. Боссерта⁸⁷. Открытие билингвальных надписей из Кара-Тепе в 1947 г.⁸⁸ подтвердило предшествующие интерпретации и сделало возможной дальнейшую работу над этими текстами.

Индоевропейский характер иероглифического «хеттского» языка в наше время не подлежит сомнению. Этот язык, с одной стороны, обнаруживает родственные связи с лувийским и клинописным хеттским, но, с другой стороны, отличается от них прежде всего уже тем, что принадлежит к так называемой группе *satem*, как и ликийский, а также один из догреческих языков (пелагский). Вот несколько наиболее важных примеров⁸⁹.

tata «отец»: др.-инд. *tāta* «отец», русск. *mama* «отец»;
pata «нога»: лат. *pēs* (род. падеж. *pedis*), греч. *πόδις* (род. падеж *ποδός*) «нога»;
šiwana «собака»: др.-инд. *ś(u)van*, лит. *šuo*, греч. *κύων* «собака»;

⁸⁴ См. также П. Н. Третьяков, «Вопросы истории», 1953, № 11, стр. 74 и сл.

⁸⁵ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 153 и сл.

⁸⁶ H. Otten, «Zeitschrift für Assyriologie», N. F., XIV, 1944, стр. 199 и сл.; H. Bossert, «Ein hethitisches Königssiegel», Istanbul, 1944.

⁸⁷ См. J. Friedrich, *Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift*, 1939.

⁸⁸ См. H. Bossert, «Belleten», XII, 1948, стр. 515 и сл.

⁸⁹ См.: Gelb—Bonfante, «Journal of the American oriental society», LXV, 1944, стр. 169 и сл.; I. J. Gelb, The contribution of the new Cilician bilinguis to the decipherment of Hieroglyphic Hittite, 1950; P. Meriggi, «Acme», IV, 2, 1951, стр. 181 и сл.; J. Friedrich, «Archiv orientální», XXI, 1953, стр. 134.

aśwa «лошадь»: др.-инд. *aśva-* «лошадь»;
sur(a)na «рог»: др.-инд. *śr̥ṣṭā-m*, лат. *cornū* «рог»;
tapas, dabas «небо»: др.-инд. *nabhas-* «небо, туман, облако», лит. *debesis* «облако»;
as- «быть»: лув. *as-*, хет. *es-* «быть»;
tuwa- «ставить» из **(s)tiū(n)-*: слав. *staviti* «ставить» из и.-е. **stāu-*;
aia- «делать»: лув. *aia-*, хет. *ija-* «делать»;
anda «в»: лув., хет. *anda*, др.-лат. *endo* «в»;
is «один»: греч. Гомер. *īa* (жен. род) «одна»;
-ha = лат. *-que* «и»;
āmi «я, мне», *-mi* «мне»: хет. *ammik* «я, меня, мне»;
āmi(a) «мой»: греч. *ἐμός* «мой»;
ki-(ia-) «который»: лат. *qui* «который», *quis* «кто».
 Морфемы. *-s* — окончание им. и род. падежа ед. числа;
-n — окончание вин. падежа ед. числа;
-t(e) — окончание 3-го лица ед. числа наст. времени.

Кипро-минойские и «этеокипрские» надписи

Так называемые кипро-минойские надписи, датированные второй половиной II тысячелетия до н. э. (приблизительно 1500—1150 гг.), написаны слоговым письмом, представляющим собою местный вариант критского слогового письма. Эти надписи опубликованы Дж. Ф. Даниэлем⁹⁰. Он издал всего 185 надписей, однако только одна из них состоит из 8 знаков, 13 состоят из 3—4 знаков, а большая часть представляет единичные знаки. С тех пор при раскопках было найдено около 50 новых надписей, а также значительное количество единичных знаков⁹¹, а в 1953 г. была найдена в Энкоми первая большая кипро-минойская надпись, состоящая из 22 + 16 строк и относящаяся, по всей вероятности, к XIV в. до н. э.⁹² В том же году была найдена в Рас-Шамра (Северная Сирия) кипро-минойская надпись из 6 строк, датированная XIV или XIII в. до н. э. По нашему мнению, язык этих надписей представляет диалект критского языка.

Кроме того, мы располагаем еще несколькими надписями с острова Кипр, написанными позднейшим вариантом того же слогового письма и относящимися ко времени от VII до IV в. до н. э. Это так называемые «этеокипрские» надписи. Они опубликованы И. Фридрихом в книге «Памятники малоазийских языков» (стр. 49 и сл.). Повидимому, к ним следует прибавить также несколько других надписей, которые считаются греческими, но интерпретация которых как греческих недостаточно убедительна⁹³. Попытки истолкования этих надписей, включая и нашу (1936), а также и А. фон-Блументаля (1938)⁹⁴, нельзя считать успешными. Все-таки, по нашему мнению, язык этих надписей представляет, по всей вероятности, поздний критский диалект. Известное семитическое влияние на «этеокипрский» диалект не исключено.

Хаттский, хурритский и урартский языки

В своем «Введении в языковедение» (стр. 211 и сл. и 225 и сл.) А. С. Чикобава вполне обоснованно оспаривает обычно употребляемое название «хеттский» для обозначения индоевропейского языка. Без сомнения,

⁹⁰ См. J. F. Daniel, «American journal of archaeology», XLV, 1941, стр. 249 и сл.

⁹¹ См. T. V. Mitford, «Archaeology», V, 1952, стр. 151 и сл.

⁹² См. «The Illustrated London News» 5 IX 53, стр. 342.

⁹³ См. T. V. Mitford, «Archaeology», V, 1952, стр. 152.

⁹⁴ См. V. Georgiev, Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, I, стр. 189 и сл.; A. v. Blumenthal, «Zeitschrift für Ortsnamenforschung», XIII, 1937, стр. 240 и сл.

«хаттский» является названием неиндоевропейского языка, а «хеттский» представляет позднейшую (еврейскую) форму того же названия. Но название «хеттский» уже стало господствующим для обозначения именно индоевропейского языка из северо-восточной Малой Азии, точное название которого нам, к сожалению, неизвестно. Здесь мы имеем тот же случай, как при обозначении «булгарский» для отмершего тюркского языка в области Волги и «болгарский» для славянского языка на Балканском полуострове, несмотря на то, что оба имени обозначают первоначально одно тюркское племя. Неситский — не более удачное название, потому что *nāšili*, *nišili*, *nešumnil* являются производными от названия города *Neša*, которое, вероятно, тоже доиндоевропейского происхождения⁹⁵.

Хаттский язык, без всякого сомнения, родствен кавказским языкам. Характерная черта хаттского языка — префиксация как средство словоизменения — встречается как раз в этих языках, а хаттское слово *wašhab* «бог» явно родственно адыгейскому (черкесскому) *wašho* «бог».

Урартский (халдский, ванский) доиндоевропейский язык в Армении родствен хурритскому. Урартский язык был в употреблении в стране, названной ассирийцами Урарту, со столицей Турушпа, или Тушна, расположенной на месте позднейшего Вана. Урартское царство просуществовало с IX до VII в. до н. э.

На хурритском (митаннийском, субарейском) языке говорили в стране, называвшейся ассирийцами Субаргу и расположенной севернее Аккада. Данных о том, что хурриты принадлежали к автохтонному населению Малой Азии, у нас нет. Вероятнее всего, что они проникли в восточную Малую Азию к концу III тысячелетия до н. э.⁹⁶

Характерной чертой хурритского языка является обилие и стечение в отдельных словах суффиксальных элементов. Вот некоторые из терминов, обозначающих родственные отношения: *attai* — «отец», *šena* — «брат», *ela* — «сестра», *šala* «дочь», *ašti* — «супруга»; другие слова: *eni* — «бог», *eše* — «небо».

Урартский и хурритский также можно считать родственными современным кавказским языкам. Важной задачей для кавказоведов является подробное изучение этих языков, а также и вышеупомянутого хаттского, в целях более точного установления их родственных отношений. Из данных об этих языках, которыми мы до сих пор располагаем, видно, что в них нет ничего, что указывало бы на их родственные связи с баскским или этрусским.

Шумерский, эламский и касситский (коссейский) языки

Шумерский, самый древний из письменных языков человечества, был языком населения, обитавшего южнее Вавилона вплоть до Персидского залива. Шумерский язык хорошо известен из многочисленных и разнообразнейших текстов. Известны также и шумерские диалекты. Несмотря на эти особо благоприятные условия, никому до сих пор не удалось привести серьезных аргументов в пользу его родства с каким-нибудь иным языком⁹⁷.

Эламиты обитали в горной области от Месопотамии до Иранского плато (нынешние Загрос, Луристан и Хузистан). Эламский (или сузский) язык известен из многочисленных письменных памятников трех различных эпох: 1) середины III тысячелетия, 2) от XVI до VII в., 3) от V до IV в.

⁹⁵ О неудобстве употребления названия «неситский» см. подробно у Зоммера (F. Sommer, Hethitisch und Hethiter, 1947, стр. 12 и сл.).

⁹⁶ Ср. K. V i t t e l, Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens, 2-е изд., 1950, стр. 61.

⁹⁷ Ср. и M e i l l e t—C o h e n, Les langues du monde, 1952, стр. 185 и 189.

до н. э. Вполне достоверных родственных связей эламского с каким-нибудь иным языком не установлено. Касситский (коссейский) язык употреблялся в области, соседней с Эламом (в Загросе), вплоть до окрестностей Дварбекира. Данные об этом языке совсем скудны.

Из сравнения личных местоимений для 1-го и 2-го лица в баскском, шумерском и эламском видно, что предположение о родстве этих языков невероятно:

баскский: *ni* «я», (*hi*) «ты», *gu* «мы», *zu* или *zuek* «вы»;

шумерский: *ta*, *tae* «я», *za*, *zae* «ты», *mende(n)* «мы», *menze(n)* «вы»;

эламский: *ī* «я», *ni* «ты», *ni-ki* или *eli* «мы», *ni-ut* «вы».

Выше были сопоставлены баскские числительные с шумерскими. Из таких сравнений явно не только то, что родство этих языков не доказано, но и то, что такового вообще не существует.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в северной части Средиземноморья, по нашему мнению, следует различать еще с глубокой древности, по крайней мере, три отдельные языковые зоны:

I. Пиренейские языки, которые делятся на: 1) васконский, т. е. баскский, и отмерший аквитанский; 2) иберийский — язык древних надписей из восточной области Пиренейского полуострова. Родство васконского с испано-иберийским не доказано. Не исключена также возможность того, что иберийский является языком хамитическим (ливийско-берберским); 3) тартессийский язык. Положение тартессийского языка не уточнено. Древнейшее население северо-западной Италии, Сардинии, а может быть, и других областей Италии (и Сицилии), вероятно, говорило на языке, родственном языку древнего населения Пиренейского полуострова. Еще в глубокой древности ливийско-берберские племена населяли южную часть Пиренейского полуострова, и их язык оказал известное влияние на иберийский и васконский. Ливийско-берберские племена, повидимому, проникли очень рано также в Сицилию и Южную Италию.

II. Южноиндоевропейские языки: догреческие (эоокритский, пелазгский), ликийский (и милийский), лидийский, трояно-этруский, карийский, хеттский, лувийский, палайский и иероглифический «хеттский». Это — языки коренного древнего населения южной части Балканского полуострова (Эгейской области) и западной Малой Азии.

III. Кавказские языки: 1) хаттский, 2) хурритский и урартский. Хаттский был языком основного древнего населения восточной, точнее северо-восточной Малой Азии.

Если между первыми двумя группами и имелось известное взаимодействие, то гораздо более сильное взаимодействие существовало между второй и третьей группами. Однако у нас нет никаких серьезных данных, позволяющих считать, что Балканский полуостров некогда был населен племенами, родственными третьей или первой группе. Никто до сих пор не смог привести серьезных доказательств родства древней топонимии Балканского полуострова с топонимией Кавказа или Пиренейского полуострова. Отдельные случаи омонимии, как, например, *Ἐβρος* — река во Фракии (это имя засвидетельствовано с V в. до н. э.: у Геродота, Еврипида и пр.) и *Эбро* (др.-греч. *Ἐβρο*), ничего не доказывают⁹⁸.

В некоторых наших работах мы подчеркивали, как безответственно провозглашались «доиндоевропейскими» географические названия из Эгейской области, индоевропейское происхождение которых явно. Таких примеров не мало:

⁹⁸ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 177 и сл.

Καλυδών в сущности греческое имя от καλός «красивый» и -ὄδω «вода»; ср. др.-инд. *udān* «вода»; Κάλυδνα, позднее Κάλυμνα, в сущности греческое имя от καλός «красивый» и -ὄδνα «вода»; ср. ἄλυσ-ὄδνα «волны (буквально, воды) моря»; Μοκλήνη в сущности производное от μόκκς «губка», как Ἀνθή-νη от ἀνθή «цветок», Πελλά-νη от πέλλα «камень, скала»; Θενάι, город на острове Крит, можно толковать как στενάι, мн. число жен. рода от στενός «тесный» с фонетическим изменением στ > θ-, характерным для критского диалекта, и т. д.⁹⁹

Типичные примеры ненаучного сопоставления названий, относящихся к самым различным географическим областям, дает нам одно из последних фантастических построений панмедитерраинистической теории, а именно статья Освальда Менгина, опубликованная в аргентинском журнале «Runa»¹⁰⁰. Менгин говорит о доисторической миграции эламитов из Передней Азии в Грецию и Сицилию. В доказательство он приводит наличие следующих географических названий: Ἐλυρία в Аркадии и Галиакмоне, Ἐλύριον — остров близ Эвбеи (или поселок там же), Ἐλυριῶται (Ἐλυριῶται) — обитатели Ἐλυρία (Ἐλυρία), области в Македонии близ Эпира, Σόλοι — племя в Ликии, Ἐλιῖοι — племя в Сицилии (стр. 126 и сл.). Сравнение базируется исключительно на внешнем созвучии названий. Неясно только, почему сюда попало название «солимы». Ведь, если в греческом языке начальное антевокальное s закономерно исчезает, то это имя никогда не имело начального s (ср. ассир. *Elamtu*) и, следовательно, оно не могло бы «сохраниться» в усвоенном греками названии эламитов. Однако географические названия Ἐλυρία и т. д. ни в коем случае не могут быть связаны с именем эламитов, потому что их греческое происхождение явно: они являются производными от слова ἔλος «просо» (Ἐλυρία обозначает «место, где растет просо»). Это один из самых распространенных способов образования географических названий: ср. производные Κεγχρέα, Κεγχρειά, Κεγχρε(ι)αί — поселок в Пелопоннесе, от κέγχρος «просо», Ὀροβία — город в Эвбее, от ὄροβος «горох», и т. д.

Без должных научных оснований, по одному лишь внешнему созвучию, объявлялись родственными и приводились в доказательство пиренейско-кавказского языкового родства слова, не имеющие ничего общего по происхождению. Характерным примером в этом отношении является сравнение лат. *samos* «каменный баран, серна, дикая коза», баскск. *gata* «серна, дикая коза», кавк. *gamiš* «буйвол»¹⁰¹. Однако кавказское слово заимствовано из перс. *gāmeš* «бык, буйвол» из иран. **gao-maēša*¹⁰², а латинское слово тоже индоевропейского происхождения¹⁰³.

Последний опыт доказательства пиренейско-кавказского родства принадлежит И. Губшмиду¹⁰⁴. Из критического разбора приведенных важнейших сравнений ясно видно, на каких несостоятельных «аргументах» зиждется пиренейско-кавказская гипотеза.

Груз. *თონა* «слуга, раб» сопоставляется с крит. *μῶνται δούλοι, μῶνα δούλεϊα* (Гесихий). Однако индоевропейская этимология критских слоев

⁹⁹ См. там же, стр. 163 и сл.; е г о ж е, Contribution à l'étude de la toponymie grecque: noms de lieux prétendus préhelléniques, 1948; е г о ж е, «Studia linguistica», II, 1948, стр. 70.

¹⁰⁰ O. M e n g h i n, Migrationes Mediterraneae, «Runa», I, 1948, стр. 111 и сл.

¹⁰¹ Ср., например, V. B e r t o l d i, «Zeitschrift für romanische Philologie», LVII, 1940, стр. 147.

¹⁰² Ср. J. H u b s c h m i d, Vorindogermanische und jüngere Wortschichten in den romanischen Mundarten der Ostalpen, 1950, стр. 9 и сл.

¹⁰³ Ср. W a l d e - H o f m a n n, Lat. etym. Wörterbuch, 3-е Aufl. (под *samos*). Гофман считает слово *samos* заимствованием из языка альпийского населения, кельтов или лигуров, и связывает с и.-е. корнем **kem* «комоль». — *Ред.*

¹⁰⁴ См. J. H u b s c h m i d, Sardische Studien, 1953, стр. 103 и сл.

несомненна: $\mu\upsilon$ восходит к более древнему $\delta\mu$ — фонетическое явление, засвидетельствованное в греческих диалектах; ср. $\Delta\mu\acute{\iota}\alpha >$ эпидавр. $M\upsilon\acute{\iota}\alpha$, ион. $\mu\epsilon\sigma\acute{\sigma}\acute{\delta}\mu\eta >$ аттич. $\mu\epsilon\sigma\acute{\sigma}\acute{\delta}\mu\eta\eta$, $K\acute{\alpha}\lambda\upsilon\delta\nu\alpha >$ $K\acute{\alpha}\lambda\upsilon\mu\nu\alpha$. Критское слово $\mu\nu\acute{\omega}\bar{\alpha}$ соответствует в точности ионийскому $\delta\mu\phi\acute{\eta}$ «прислужница»; ср. еще ион. $\delta\mu\acute{\omega}\varsigma$ (род. падеж $\delta\mu\acute{\omega}\varsigma$) «раб», греч. гомер. $\acute{\iota}\rho\omicron-\delta\mu\acute{\omega}\varsigma$ «служитель».

Эти слова восходят к и.-е. **dmō-* (буквально: «домашний, принадлежащий к дому»), производное от **domu-* «дом»¹⁰⁵; ср. греч. $\omicron\acute{\iota}\kappa\epsilon\tau\eta\varsigma$, $\omicron\acute{\iota}\kappa\epsilon\upsilon\varsigma$ «домашний», производное от $\omicron\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ «дом», лат. *domesticus* «домашний; раб» от *domus* «дом».

Груз. *wenaxi*, др.-груз. *wenaxi*, сван. *wenāq*, мингр., лаз. *binexi* «виноградник» сравниваются с критской глоссой $\beta\eta\gamma\nu\alpha$ τὸν οἶνον (Гесихий). Но кавказские слова находятся в несомненной связи с индоевропейскими **woinā* «лоза (вино)» и **woino-s* «вино» и, следовательно, заимствованы из какого-то индоевропейского или семитического языка¹⁰⁶. Глосса Гесихия $\beta\eta\gamma\nu\alpha$ «вино», повидимому, ошибочно дана (ошибки нередки у Гесихия) вместо * $\beta\eta\gamma\nu\alpha = F\iota\gamma\nu$ «лоза (вино)», и то, вероятно, под влиянием $\epsilon\acute{\iota}\beta\omega = \lambda\epsilon\acute{\iota}\beta\omega$ «лить, наливать (οἶνον, μέθυ)»¹⁰⁷. Известно, что в критском диалекте β перешло в спиранту раньше, чем в других диалектах, и по этой причине употреблялось для обозначения дигаммы¹⁰⁸.

Приведенное слово **Fιγν* может быть именительным или винительным падежом основы на *-γν*.

Определение лидийско-карийского слова $\tau\acute{\alpha}\beta\alpha$ πέτρα («камень, скала») (Стефан Византийский) как неиндоевропейского совершенно произвольно. Это один из пережитков устарелой концепции о неиндоевропейском характере лидийского и карийского языков. Слово $\tau\acute{\alpha}\beta\alpha$ восходит к и.-е. *(*s*)*tabhā* и соответствует в точности др.-прусск. *stabis* «камень», латыш. *stabs* «столб, колонна» из и.-е. **stabhi-s*; ср. др.-в.-нем. *staben* «starr, steif sein». Эти слова восходят к и.-е. корню *(*s*)*tebh-*, *(*s*)*tebh-*, *(*s*)*tabh-*, *(*s*)*tembh-* (наряду с этим встречаются формы и с *p* и *b*). К этим словам принадлежат также: сабинское слово *teba* «холм, склон», которое может быть оскско-умбрским из и.-е. *(*s*)*tebā* или латинско-фалистским из и.-е. *(*s*)*tebhā*; имя *Taburnus mons* (с *a* из и.-е. \bar{a}); имя кампанской горы (и города) *Tifata* оскского происхождения (с \bar{i} из \bar{e} ¹⁰⁹ и *f* из *bh*) из и.-е. *(*s*)*tebhā-tā*¹¹⁰; догреческо-малоазийское географическое название $\Theta\eta\beta\alpha\iota$, $\Theta\eta\beta\eta$ — имя городов в Беотии, Ахайе, Аттике, Мизии, близ Милета, в Памфилии из и.-е. *(*s*)*tebhā*.

Греческое слово $\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\varsigma$ «хлеб» сопоставляется с баскск. *arto* «кукуруза». Однако их значения различны, и, с другой стороны, греческое слово имеет удачную этимологию как заимствование из иранского (персидского или мидийского); ср. ново-перс. *ārd*, курд. *ār* «мука», авест. *āša-* «перемолотый», хинди, бенгали *āṭā* «мука» из индо-иранск. **arta-* < и.-е. **al-* «страд. причастие прош. времени «перемолотый» из и.-е. **al-* «молоть»¹¹¹. Слово $\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\varsigma$ не встречается в Илиаде; оно упоминается только два раза в Одиссее в местах, которые можно считать более поздними. Обычное слово для обозначения хлеба в Илиаде и Одиссее — $\sigma\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$. Даль-

¹⁰⁵ Ср. Boisacq, Dictionnaire étymologique (под указанными словами); Pokorny, Idg. etym. Wörterbuch, стр. 199; F. Veschel, Die griechischen Dialekte, II, стр. 790.

¹⁰⁶ См. выше, стр. 60.

¹⁰⁷ Или контаминация $F\iota\gamma\nu + \epsilon\acute{\iota}\beta\omega$. Или * $\beta\eta\gamma\nu\alpha$ < догр. (\bar{i}) * $F\alpha\bar{i}\nu\bar{\alpha}$ из и.-е. *woinā*.

¹⁰⁸ Ср. F. Veschel, Die griechischen Dialekte, II, стр. 672 и сл.

¹⁰⁹ Ср. C. D. Buck, Oscan-Umbrian, 2-е изд., стр. 33.

¹¹⁰ См. также и Ernout-Meillet, Dictionnaire étymologique, 2-е изд. (под *tifata*).

¹¹¹ См. Mascarrone, «Archivio glottologico Italiano», XXX, 1938, стр. 120.

ше *ζῆτος* встречается один раз у Гесиода, потом у Архилоха из Пароса, у Геродота (происходившего из Малой Азии), у Гиппократы (родом с острова Кос) и т. д. Это ясно показывает, что малоазиатские греки (ионийцы) заимствовали это слово (непосредственно или косвенно) у мидийцев или персов в период их владычества в Малой Азии:¹¹² по всей вероятности, оно было присуще ионийскому диалекту, из которого перешло в другие диалекты (путем распространения ионийской поэзии и прозы).

Греч. *σῖτος* «пшеница, мука, хлеб, еда» сопоставляется с баскск. *zitu* «злак, урожай, плод». Однако значения этих слов различны, а кроме того, греческое слово имеет надежную индоевропейскую этимологию: оно восходит к и.-е. **k̑w̑ido-s*, **k̑weido-s* или **k̑weito-s* и соответствует гот. *hwaiteis* «пшеница» из и.-е. **k̑woid-*, ср.-англ. *white* «вид пшеницы» из и.-е. **k̑wīd-*¹¹³. С другой стороны, в хамитических языках встречается подобное слово: егип. *sw.t*, коптск. **syōt* «зерно». Так как в баскском имеются хамитические заимствования, то баскское слово, если это не случайность, могло бы быть заимствованным из хамитического языка (египетского или ливийско-берберского).

Греческое слово *πῦρος* «пшеница» сопоставляется с груз. *puri* «хлеб, пшеница» и испанск. (диал.) *porona* «мука», *borona* «кукурузный хлеб». Однако греческое слово имеет точные соответствия в древнеиндийском, славянских, балтийских и германских языках, которые не могут быть объясненными как пиренейско-кавказские заимствования¹¹⁴. Наоборот, так как в грузинском имеется много заимствований из различных индоевропейских языков, то и в данном случае, если это не простая омонимия, грузинское слово могло быть заимствовано из какого-нибудь индоевропейского языка.

Такой же характер имеют и остальные доказательства предполагаемого родства пиренейско-кавказских языков, которые приводит Губшид. В своих предположениях автор исходит из фантастической теории О. Менгина и из неверного предположения П. Кречмера¹¹⁵ о ретотирренской прародине; следовательно, и его доводы не могут быть иными.

Вообще панмедитеранская теория черпает свои аргументы из предполагаемого единства средиземноморской топонимики. Однако характерные черты древней эгейско-малоазиатской топонимики отсутствуют в других средиземноморских областях. Аргументы в пользу языкового единства древних средиземноморских племен и народов оказываются ошибочными сравнениями случайных омонимий или же эгейско-малоазиатскими, семитическими и иными именами, перенесенными в разные места греческими, этрусскими, финикийскими и крито-микенскими колонистами¹¹⁶.

В конце следует подчеркнуть, что на нынешнем этапе исследований нет никаких оснований считать шумерский или эламский родственными какой-либо из упомянутых языковых групп.

¹¹² См. об этом V. Georgiev, «Indogermanische Forschungen», LX, 1950, стр. 171 и сл.

¹¹³ См. V. Georgiev, Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, I, стр. 73.

¹¹⁴ См. Boisacq, Dictionnaire étymologique, стр. 829.

¹¹⁵ См. J. Hubschmid, Sardische Studien, стр. 91 и сл. и 119.

¹¹⁶ В. Вертольди, один из самых страстных приверженцев панмедитеранской теории, считает, что существование общего языкового фонда для всего Средиземноморья еще не доказано, но что эта гипотеза должна быть «теоретической предпосылкой» (premesse teorica) исследования; ср. «Archivio glottologico Italiano», XXXI, 1939, стр. 99. А. С. Чикобава также не считает убедительными предшествующие попытки доказать родство между кавказскими языками, с одной стороны, и шумерским, эламским, лидийским, карийским и т. д., с другой (см. указ. соч., стр. 227).

*

Исследования в области малоазийских языков получили бы значительный толчок вперед, если бы в нашем распоряжении находилась авторитетная подробная сравнительно-историческая грамматика, а также и хороший этимологический словарь кавказских языков. Следует окончательно уточнить вопрос о родстве северных и южных (картвельских) кавказских языков: существуют ли действительно родственные отношения между ними и, если существуют, то какова степень родства (более близкое или более отдаленное)? Далее, следует изучить основательно древние переднеазиатские языки (хаттский, хурритский и т. д.), с учетом их возможного родства с кавказскими языками. Это — важные задачи, стоящие перед кавказоведами. Их разрешение поможет в деле выяснения проблем генезиса эгейско-малоазийских и переднеазиатских племен и народов.

Исследования древних средиземноморско-переднеазиатских языков сопряжены со значительными трудностями — как в связи с тем, что дело касается разнообразнейших языков, с которыми человек не может быть одинаково хорошо знакомлец, так и из-за скудости материалов для некоторых из них или отсутствия углубленных исследований. Поэтому в данной области приходится работать на основании гипотез, более или менее правдоподобных. Однако эти гипотезы должны базироваться на фактах, а не на предвзятых концепциях. Панмедитеранистско-переднеазиатские построения, вроде фантазий Н. Я. Марра, Ш. Отрана, К. Оштира, И. Карста, Дж. Алессиво¹¹⁷, О. Менгина и некоторых других авторов, нисколько не содействуют прояснению вопроса о древних языках Средиземноморья.

¹¹⁷ Дж. Алессиво не постеснялся включить в орбиту панмедитеранизма даже части Прибалтики. См. «Studi Etruschi», XIX, 1946/7, стр. 141 и сл.